

Борис Цеханович

Горячий 41-й год

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Борис Цеханович

Горячий 41-й год

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Цеханович Б. Г.

Горячий 41-й год / Б. Г. Цеханович — «ЛитРес: Самиздат», 2018

1941 год. Год горечи, разочарований, поражений. Трудное, переломное время для государства и тяжёлое бремя выбора для обыкновенных людей, в том числе и людей в форме, когда ты вынужден решать - что делать? То ли сразу сдать, перестать бороться и тихо продолжать жить, то ли сразу пойти на службу к врагу или же, отбросив первое и второе - драться. Драться, не жалея своих сил и самой жизни. И таких было большинство. Реальная история зарождения партизанского движения в Белоруссии, услышанная автором из уст партизана. Фото из личного архива автора. Содержит нецензурную брань. Содержит нецензурную брань.

© Цеханович Б. Г., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Горячий 41-й год	5
Часть первая	8
Глава первая	10
Глава вторая	20
Глава третья	26
Глава четвёртая	28
Часть вторая	36
Глава первая	36
Глава вторая	40
Глава третья	49
Глава четвёртая	54
Часть третья	68
Глава первая	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Горячий 41-й год

– Фууууу... ни фига себе, как повезло...., – устало откинулся на стенку купе и закрыл глаза. Я возвращался из командировки в Германию и прекрасно представлял себе все проблемы связанные с приобретением билетов на поезд. Служебные дела в командировке уладил быстро и выкроил ещё пять дней на Кострому, где неплохо отдохнул у бабушки с дедушкой. С Костромы до Москвы доехал ночным рейсом автобуса и через час после прибытия на московский автовокзал «Щёлково» заходил в кассовый зал Белорусского вокзала. Я был готов к трудностям нудного и долгого стояния в очереди, но увидев битком набитый зал, ужаснулся: выющиеся, бесконечные очереди в несколько рядов, потные и злые пассажиры, уставшие и капризные дети, непрестанно теребившие раздражённых родителей и ровный, непрерывный гул голосов, прерываемый неразборчивыми объявлениями вокзальных дикторов. Такая картина была перед кассами для гражданских и я с лёгкой надеждой двинулся к кассе для военнослужащих и был неприятно удивлён – здесь очередь была на порядок длиннее и многочисленнее. Потыркавшись и пообщавшись с теми, кто уже отстоял несколько часов в очереди, передо мной нарисовалась довольно неприятная перспектива простоять за билетом от двенадцати часов до суток.

С досадой почесав затылок, по военному быстро принял решение. До вечера гуляю по Москве, а вечером занимаю очередь, стою «на смерть» и в крайнем случае, через сутки, куплю билет на вечерний поезд «Москва-Брест».

Так и сделал. Москва была моим любимым городом, поэтому с удовольствием поболтался по столице, а вечером вновь нарисовался на вокзале. Плотно и не спеша поев в ресторане, накатил грамм сто пятьдесят армянского коньяка и занял очередь в кассу. Те, кто стоял последними утром, когда я здесь был, продвинулись только до середины очереди. Тяжело вздохнув, раскрыл интересную книжку и приготовился к терпеливому стоянию. Особо не беспокоился, в отличие от подавляющего количества стоявших в очереди, которые возвращались в Германию и Польшу из отпусков с минимумом денег, у меня в кармане было около пятисот рублей. Так что если будет невезуха, с голода и от безденежья страдать не буду. Виза кончалась через две недели, так что...., но конечно лучше купить билет и вовремя прибыть в часть.

Только углубился в чтение книги, как послышался бодрый голос: – Товарищи, есть один билет в поезд «Москва-Берлин». Отправление через сорок минут. Кому-то надо....?

Очередь ожидаемо встрепенулась, но никто так и не изъявил желание купить, а меня как толкнуло в спину и призывно махнул рукой. Парень, лет двадцати семи, с открытым лицом подошёл и недоверчиво оглядел меня.

– Я беру. Сколько?

– Офицер?

– Какая тебе разница?

– Я ведь за наличку продаю, а не за проездные документы, – парень стремительно терял ко мне интерес и собирался отходить от очереди.

– Беру за деньги. Сколько? – Настойчиво спросил я. Перспектива через сорок минут оказаться в вагоне и уехать из Москвы меня устраивала полностью.

– Вагон спальный, дорого...., – парень продолжал смотреть с недоверием.

– Блин.., ну сколько...?

– Девяносто рублей.

– Беру, – выдохнул я, а стоявший передо мной мужик решительного вида, слушавший наш разговор, осуждающе произнёс, обращаясь ко мне.

– Не бери, обманет. Ведь это спекулянт.

Парень не обиделся, а улыбнувшись на все тридцать два белых зуба, заверил меня: – Не слушай никого, завидно человеку, что не он покупает, вот и болтает. Я тебя сейчас в вагон посажу и ты там со мной рассчитаешься, чтоб без всякого сомнения. Так берёшь?

– Беру, беру, пошли. Я за вами, если вернусь, – это я уже обратился к отвернувшемуся, недовольному мужику.

Через десять минут забрали вещи из камеры хранения и ещё через десять минут подошли к моему вагону. Проводник равнодушно повертел билет в руках, сделал отметку в своём списке и, мазнув меня взглядом, спросил всё ли у меня в порядке с загран. паспортом.

Услышав ответ, что всё в порядке, он совсем потерял ко мне всякий интерес. Мы зашли в двух– местное купе и, оставив вещи, вышли из вагона разговарившись.

Парень действительно был спекулянтom, имел связь с кассами и таким образом зарабатывал себе на жизнь. Надо сказать неплохо зарабатывал. С меня, как он признался, брал тридцатку сверху.

За десять минут до отхода я честно рассчитался с ним и зашёл в своё купе.

Всё, через сутки буду в Берлине, а там поездом до Ошаца три часа и я дома.

Впрочем, один я был в купе минуты две. Послышался звук мягко откатившейся в сторону двери и на входе купе появился представительный, лет пятьдесят пять – пятьдесят семь мужчина, на пиджаке которого тускло блеснула золотая звезда Героя Советского Союза и несколько рядов орденских планок. Я, автоматически, как на пружинах вскочил с нижней полки и принял строевую стойку.

– Вольно, Вольно, – засмеялся незнакомец, – сразу видно армейская косточка... Верно угадал?

– Так точно. Прапорщик Цеханович, командир второго огневого взвода 122 мм гаубиц Д-30.

– Ну..., ну.... Чего орёшь на весь вагон? А я полковник Суриков, Пётр Николаевич. Тебя как зовут?

– Борис...

– Ну и хорошо Борис. У меня девятнадцатое место, а у тебя значит двадцатое. Так?

– Так точно, товарищ полковник, – я хлопнул ладонью по верхней полке.

Герой Советского Союза досадливо поморщился и наставительно сказал: – Давай, Боря, сразу договоримся: я хоть и полковник, но МВДэшный и для тебя Пётр Николаевич, ты понял меня?

– Так точ...., – сконфузился и тут же поправился, – понял, Пётр Николаевич.

– До куда едешь, Боря? До Бреста что ли?

– Не..., дальше – до Берлина.

– Оооо..., попутчики значит, я тоже туда.

Пока мы оживлённо устраивались и общались, поезд плавно тронулся и перрон негостеприимного Белорусского вокзала исчез где-то сзади. Через пять минут в купе зашёл хмурый проводник, забрал билеты и ушёл. Мы оба по очереди переоделись и Пётр Николаевич, хитро на меня поглядев, достал из портфеля бутылку коньяка: – Как..., будешь?

– А какой русский откажется от ста грамм? – Я в свою очередь залез в свою сумку и достал круг колбасы, хлеба, кой какую закуску и тоже бутылку коньяка. Через пару минут небольшой столик был уставлен закуской и выпивкой. Пётр Николаевич взял мою бутылку и протянул её мне.

– Убери до завтра. Границу с Польшей будем пересекать вот и дербалызнем.

Выпили за удачную поездку и пока закусывали, я всё косился взглядом на звезду Героя на пиджаке, висевшим на плечиках.

– Ну, иди. Погляди, если так тебя это интересует, – увидев мой интерес, разрешил полковник.

Что ж..., звезда Героя смотрелась солидно и пальцы чувствовали приятную тяжесть, когда я немного приподнял её. Пять орденов и десять медалей.

– За войну, Пётр Николаевич?

– Звёздочка, четыре ордена и три медали за войну. Я ж год уже отслужил срочной службы, как война началась: от первого дня до последнего. Остальные награды милицейские. За службу в милиции.

– Ничего себе, а я очень люблю читать про войну, особенно про первые месяцы войны. Расскажите, Пётр Николаевич... Только ни как пионерам рассказываете, а по настоящему.

– Ладно..., тогда садись. Выпьем и расскажу. Только не только о себе, но и о других кто был тогда рядом, а особенно про своего командира майора Третьякова. Вот это был командир, всем командирам командир...

Часть первая

Хорошо уплотнённая, щебёночная дорога летела через небольшие, насквозь пронизанные солнечными лучами и от этого весёленькие перелески, выскакивала в поля, в которых уже желтела и склоняла к земле тяжёлые колосья пшеницы или синели бескрайними просторами посевы льна. Иной раз она тянулась долгими километрами густых и сумрачных лесов, где нетронутые, высокие и могучие деревья сонно дремали на протяжении сотни лет около дороги, наблюдая неспешное движение повозок и людей. Но всё равно дорога рано или поздно, но вырывалась и оттуда, ныряла в глубокие, заросшие густым кустарником овраги, перепрыгивали по небольшим, но крепким мосткам через узкие ручейки и речушки. Гораздо реже она утыкалась и в более широкие реки, где путников поджидали паромы или неглубокие броды.

Дорога была старая, служа людям не одну сотню лет и могла рассказать много чего интересного и познавательного. Видела она и польские полчища гордой шляхты, видела многочисленные русские рати. Глядела на наполеоновские войска,двигающиеся в сторону Москвы, а через полгода бредущих по колено в снегу, голодных, замёрзших, бросающих всё разбитых французов. Много что она видела и если бы владела голосом и слогом классика английской литературы Вальтера Скотта, то она могла рассказать как у этого невзрачного мостика, в начале прошлого столетия, разбойнички начисто ограбили богатого купчину, но жизни его не лишили. А здесь, у валуна, грузно вросшего в землю и покрытого наполовину мхом, долгими и длинными вечерами счастливо встречались парень с девушкой из соседних деревенок, любовь которых закончилась свадьбой и долгой, трудной, но счастливой жизнью. А у этой развилки умерла монашка: шла, шла, присела отдохнуть и умерла. Поэтому здесь и стоит наполовину сгнивший и наклонившийся на сторону католический крест с потемневшей иконкой святой девы Марии.

Много чего она могла рассказать и показать себя, красуясь перед проезжими и пешеходами, но сейчас она была разбита в хлам прошедшей по ней техникой, гужевым транспортом и густо покрыта мелкими и большими воронками от бомб. В кюветах, на обочинах, в отдалении валялись вздутые, смрадно пахнущие трупы лошадей, коров и к несчастью многих людей: в основном стариков, детей и женщин, расстрелянных с воздуха безнаказанно бесчинствующими над дорогами самолётами немцев. Тут же накренившись на пробитые, оторванные взрывами колёса, сгоревшие и полу сгоревшие, разбитые и пробитые, съехавшие в кюветы, сиротливо стояли грузовики, среди которых иной раз проглядывались сгоревшие легковушки и громоздкие автобусы. И всё это густо и обильно было покрыто пылью, облака которой вздымались над дорогой от устало бредущих потоков беженцев и военных на восток от этого разгула вакханалии войны.

Цель и надежда как у беженцев, нагруженных чемоданами, рюкзаками, катящими перед собой колясками, так и у измотанных, разрозненных групп военных была одна – недалёкая переправа через реку. Гражданские надеялись, переправившись на большом пароме, передохнуть на том берегу и двинуться дальше, уповая, что сама река, как естественное препятствие, задержит страшного врага хотя бы на несколько дней и даст им возможность оторваться от преследования немецких войск. Военные надеялись найти, увидеть на противоположной стороне реки подготовленную, глубоко эшелонированную оборону, наполненную полнокровными войсками, куда они вольются и наконец-то остановят полчища фашистов.

Но, ни гражданские, ни военные не знали, что паромы уже два дня как были разбиты и затоплены ударами с воздуха доблестным люфтваффе. Что нет никакой глубоко эшелонированной обороны, а на этом и на противоположном берегу окапываются куцые остатки стрелковой дивизии, с боями отступающей от самой границы. Она ещё называлась дивизией, потому что был наполовину поредевший от потерь штаб дивизии, были три стрелковых полка и другие какие положено дивизии подразделения, но если их всех свести в одну часть, то не наберётся

и полка. Но эта тысяча двести человек, готовы были драться и стоять насмерть, чтобы прикрыть тонкую ниточку понтонной переправы, наведённой сапёрами вместо разбитых паромов. И драться, драться, чтобы дать возможность гражданскому населению, которого скопилось на западном берегу до двадцати тысяч человек, пройти по хлипкой, колыхающейся переправе на восточный берег. Дать возможность перевезти на противоположную сторону водной преграды многочисленные подводы, санитарные машины с ранеными и оставшуюся технику.

Не знали они и о том, что немцы тоже рвались к переправе и цель была у них не только захватить переправу целой, но и раздавить, не дать закрепиться тем, кто ещё мог сопротивляться.

Глава первая

Обер-лейтенант Курт Зейдель – Счастливчик Курт, как его прозвали офицеры полка, удобно развалившись в люльке мотоцикла, во главе небольшого мотоциклетного отряда, мчался по шебёночной дороге к русской переправе. Он был доволен этим заданием и считал, что наконец-то появилась прекрасная возможность отличиться, а может быть и получить долгожданную награду. В полку Курт служил с 1938 года и считался хорошим офицером, а чисто арийская внешность: высокий рост, широкоплечий, голубые глаза, блондин располагала к дружбе с ним не только офицеров. Солдаты и унтеры также тянулись к Зейделю и уважали его за твёрдый в то же время открытый характер, а также и за его спортивные успехи: Курт рекомендовал себя как неплохой легкоатлет и не раз завоевывал спортивные кубки для полка.

Отдельной гордостью обер-лейтенанта было прекрасное знание русского языка, который он играючи выучил в детстве, общаясь с детьми русских эмигрантов, а став взрослым продолжил его изучение. И перед русской кампанией командир полка пообещал перевести его с роты на штабную должность, дальновидно считая, что такого офицера надо держать около себя.

Но было и слабое место в военной карьере и все об этом в полку знали и сочувствовали Курту. Полк в тридцать девятом году принял активное участие в Польской кампании, а Зейдель в это время провалялся в госпитале, сломав ногу. А когда полк пошёл через Бельгию во Францию обер-лейтенант был временно откомандирован в распоряжение Берлина, где выполнял обидные, мелкие поручения.

Вот и сейчас командир полка полковник Хофманн вызвал к себе Зейделя и, ткнув карандашом в точку на карте, поставил задачу: – Мы движемся слишком медленно. Поэтому, Курт, бери мотоциклистов и вперёд. Нужно захватить русскую переправу и не дать её взорвать. Действуй стремительно и решительно. На мелочи не разменивайся. Помни – один подготовленный немецкий солдат стоит пятьдесят русских.

– Что ж, я выполню эту задачу..., – Курт получал удовольствие и от того, что чувствовал за собой силу, мчавшуюся за ним ещё на десятке мотоциклов. Силу, которая могла огнём смести с дороги любого, кто станет на их пути. И попробовали встать. Стремительно движущийся отряд мотоциклистов внезапно обстреляли из винтовок с подготовленных позиций. Но огонь был жидкий, неорганизованный, вследствие чего и неэффективный. Мотоциклы на скорости и сидящие на них немцы, сблизившись с позицией русских. Лихо выкидывая густые веера щебёнки и песка из-под колёс, развернулись в линию и с близкого расстояния, даже не спешиваясь, накрыли плотным пулемётным и автоматным огнём сопротивляющихся. А через пять минут медленно двинулись вперёд. Прозвучало ещё несколько, явно нецельных выстрелов и около двух десятков красноармейцев побежали с позиций в разные стороны. Отряд на несколько минут остановился на позициях русских и, убедившись, что кроме двух убитых здесь никого не осталось, помчался дальше.

Такая война нравилась Курту всё больше и больше. Не надо постоянно окапываться, ходить в беспрестанные атаки, подвергая себя и своих подчинённых опасности быть убитыми этими варварами. Хотя Зейдель прекрасно понимал – их полку пока просто везло. С момента вторжения на территорию Советского Союза полк находился во втором эшелоне и всю грязную и трудную работу по взламыванию обороны русских и разгрому их резервов в приграничных районах, вынесли части первого эшелона, а им оставалось только добивать разбитых русских и развивать успех других. Русской армии уже не существовало: так..., были разрозненные, недобитые части, которые стремительно откатывались на восток.

Вырвавшись из леса, мотоциклисты помчались вдоль опушки по дороге, огибавшей длинным языком узкое болото. Дорога вильнула вправо и выскочила на небольшую, метров в тридцать дамбу, за которой расстиралось ровное, полого тянущее вверх поле, на краю которого

высокими соснами и берёзами толпился лес, куда и ныряла дорога. А там, километров в семи и была вожденная переправа, слава и награда.

Курт поднял руку и мотоциклы послушно остановились перед дамбой.

– Хорошее место. Если у русских есть грамотный и опытный командир, то оно просто идеально, для того чтобы надолго задержать продвижение полка.

Обер-лейтенант вскинул бинокль и неторопливо оглядел опушку леса, но нигде не заметил даже малейших признаков засады или подготовленной обороны. Правда, смущала сбоку от дороги длинная, заросшая травой метровая насыпь, одним краем утыкающая в край леса, но и там ничего не было видно. Дорога через поле была пустынна, лишь в стороне на боку лежал и слегка дымился грузовик, вокруг которого валялось разбросанное военное имущество и несколько тел убитых красноармейцев. Около самой дамбы земля во множестве была покрыта мелкими воронками от осколочных бомб и как результат убитые лошади и до десятка мёртвых тел гражданского люда в неестественных позах лежало по всему берегу болота.

– Да... видно нет у них уже толковых командиров, – Зейдель повелительно махнул рукой и мотоциклы, взревев двигателями и подымая пыльный шлейф, ломанулись через поле к лесу.

Несмотря на свою уверенность, Курт невольно сжался, когда они поравнялись с насыпью. Это было хорошее место для засады и отличный момент, чтобы в упор и с боку внезапно открыть убийственный огонь по проезжающим мимо. Но, проскочив это место, насыпь открыла свою противоположную сторону, где не было даже следов присутствия кого-либо.

– Ну... всё, раз здесь русских нет, значит до самой переправы чисто, – отряд нырнул под сень деревьев и сразу же снизил скорость, одновременно растягиваясь в длину из-за поднимающихся густых клубов пыли, которым некуда было деваться. Но Зейдель мчался на головном мотоцикле, поэтому только усмехнулся, оглянувшись назад.

Первая русская машина с прицепленной за ним маленькой пушкой вывернула из-за лесного поворота совершенно неожиданно для немцев, точно также как для русских неожиданностью было появление здесь немцев.

По мысли Курта машина русских от такой неожиданной встречи должна мгновенно остановиться, а водитель с пассажиром быстро выскочить из кабины и убежать в густые кусты по обеим сторонам дороги. Тем самым они и могли спасти свои жизни. Но машина наоборот резко прибавила скорость и рванула вперёд, а за ней из-за поворота выползала уже вторая машина с пушкой.

Машина и мотоцикл стремительно сближались и Зейдель, мгновенно переглянувшись с унтер-офицером Шольцем, сидевшим на заднем сиденье, приник к пулемёту. Правая дверца кабины распахнулась и оттуда, на подножку выскочил русский офицер, тут же открывший огонь из пистолета по мотоциклу.

Хищно ощерившись в ухмылке, пригнувшись, обер-лейтенант навёл пулемёт на кабину и дал хорошую очередь по водителю, видневшемуся бледным лицом за стеклом, а над головой загрохотал автомат Шольца. Зейдель, в отличие от Шольца, с первой очереди попал в шофера, а унтер-офицер с заднего сиденья ни как не мог попасть в офицера, продолжающего с подножки стрелять в мотоцикл. Убитый водитель завалился в левую сторону, не отпуская руля, и зелёный грузовик опасно наклонившись на бок, выкидывая веером щебёнку из-под колёс, стал поперёк дороги. А офицер, по инерции сорвавшись с подножки и, нелепо размахивая руками, пытаясь сохранить равновесие, невольно побежал спотыкаясь, в сторону веселившихся от этого немцев.

* * *

От переворачивания машину спасла, прицепленная сзади сорокапятка. Меня же по инерции сорвало с подножки и чтобы не упасть под колеса немецких мотоциклов, вынужден был бежать наклонившись вперёд, беспорядочно размахивая руками. Сзади, в кузове машины, слышны были возмущённые голоса бойцов, которые чуть не вывалились из кузова при резком и внезапном развороте и они, несмотря на стрельбу, ещё не поняли, что мы напоролась на

немецкую разведку. В довершение всего, послышался глухой и сильный удар второй машины, которая вовремя не успела затормозить и въехала в прицепленную пушку, остановившейся машины. Там тоже ещё не врубилась в обстановку и водитель врезавшейся машины возмущённо голосил в пыли на убитого водителя: – Остапчук, ёб... тв.... ма...ь, Ты, что там охерел что ли? Я из-за тебя радиатор разбил....

Сделав несколько несуразных скачков, всё-таки сохранил равновесие, но продолжал по инерции бежать на ехавший на меня передний мотоцикл, с ужасом слыша сзади вполне мирную перебранку и возмущённые голоса участников дорожного происшествия, как они это предполагали. Немцы с мотоцикла больше не стреляли и с любопытством глазели на меня и на скопище машин на дороге, наверняка считая нас и меня уже своими пленниками. Сзади в клубах пыли смутно проглядывались ещё несколько мотоциклов и когда до первого осталось пять метров, я внезапно вскинул руку с пистолетом и выстрелил последними тремя патронами. Стрелял с пистолета всегда неважно, но в такой момент даже не удивился тому, что немца, выглядывающего из-за спины водителя, прямо выбило с заднего сиденья и он спиной рухнул на землю. Последние две пули попали в водителя, и завалили того на руль, завернув переднее колесо под коляску, отчего коляска внезапно вздыбилась и мотоцикл мгновенно перевернулся, выкинув оттуда третьего немца, а когда он упал на щебёнку, сверху его прихлопнул перевернувшийся мотоцикл. Сзади идущие мотоциклы тормозили, пытаясь объехать место крушения и лежащее на дороге тело немца. Но этого я уже не видел, так как изо всех сил бежал обратно к машине, чтобы спрятаться за ней и перезарядить пистолет.

Из кузова на землю стали прыгать бойцы расчёта, наконец-то разобравшись с обстановкой. Даже прозвучал первый выстрел с нашей стороны, но в принципе было уже поздно. От немцев послышались команды и сразу же застрочило несколько автоматов. Рывком ушёл с линии огня и автоматные очереди за несколько секунд срезали весь расчёт противотанковой пушки, выпрыгнувший из кузова. Но я уже успел прикрыться машиной и, запалено дыша, трясушимися руками пытался вставить новый магазин, одновременно выкрикивая команды, смысла которых сам же и не понимал. Пули громкими щелчками пронзали борта машины, выдирая из них белую щепу, и улетали дальше. Спрыгнувшему бойцу со второй машины пуля попала в грудь и он, выронив в пыль карабин с примкнутым штыком, мягко опустился на полотно дороги, с удивлением разглядывая стремительно расширяющееся пятно крови на гимнастёрке.

Загнав в конце-концов магазин в пистолет, сразу же передёрнул затвор и сунул его в кобуру. Нагнулся, подхватив с земли карабин, и выглянул из-за кузова грузовика. Немцы, человек десять, рассыпавшись в цепь по всей ширине дороги с обочинами, хоть и настороженно, но всё-таки довольно быстро двигались в нашу сторону, периодически давая перед собой короткие очереди. Двое из них суетились около перевернутого мотоцикла, пытаясь вытащить из-под него тело лежащего, а из оседавшей пыли выныривали всё новые и новые фигуры врагов.

Всё это охватил одним взглядом и сразу же резко присел, избегая автоматной очереди. А потом рванулся ко второй машине, за которой затаился остаток второго расчёта.

– Товарищ майор, что делать? – Несколько пар глаз с надеждой уставились на меня, а автоматные очереди и гортанные голоса немцев становились всё ближе и ближе.

– Что, что? Драться, вот что....

– Товарищ майор, а может...., – сержант замолчал, продолжая с надеждой, одновременно с тоской смотреть на меня.

Отчего я тут же ожесточился: – Не может....! У нас, сержант, другая задача и я только что троих немцев завалил...

Да, задача у нас была сложная и несвоевременная встреча с немцами сразу поставила её под срыв. Час тому назад меня вызвал командир дивизии.

– Третьяков, нужно задержать немцев на этом рубеже, – молодежавый и усталый генерал-майор карандашом прочертил короткую линию, а я, нагнувшись, в тридцать секунд оценил позицию. Длинное и узкое болото, шириной метров 150, тянулось километров пять. Лет сто тому назад, вполне возможно это было озером, но постепенно оно заросло камышом, затянлось илом и тиной и теперь это был качественный и непроходимый рубеж, за который можно было зацепиться. Сплошным, зелёным пятном параллельно болоту тянулся лиственный лес, а вдоль него дорога. В самом узком месте, двумя чёрточками с короткими штришками обозначена дамба – единственное место, где можно пересечь болото.

– Разворачиваешься и держишься до 12 часов завтрашнего дня. За это время я сумею пропустить раненых, обозы и беженцев. Ты, после 12 часов, отходишь и мы взрываем переправу, а дальше держимся на этом берегу. Ну..., ты понимаешь – если не сумеешь удержаться, то раненые и гражданские тут и останутся... Навсегда.

– Хм..., Кто останется в живых... Если останемся..., ляжем мы там..., – хмыкнул про себя, но не стал озвучивать вслух, в свою очередь задал встречный вопрос.

– А какие у меня силы будут?

– А вон, – генерал мотнул головой в сторону, – я просил в штабе корпуса хотя бы батальон прислать, а они подогнали противотанковую батарею и стрелковый взвод. Правда, полностью укомплектованы, но в боях ещё не были. Ты артиллерист – тебе и поручаю это дело. Тем более верю, что ты справишься с этой задачей. Вопросы есть? Нет! Тогда через пятнадцать минут тебя и твоих новых подчинённых здесь нет.

Пятнадцати минут мне хватило познакомиться со слегка растерянным командиром батареи и довольно боевым командиром стрелкового взвода и объяснить им задачу. За это время мой подчинённый Петька Суриков расторопно собрал в один вещмешок мои вещи и свои и теперь по-хозяйски устраивался в кузове второй машины. На кого-то начальственно покрикивал, кого-то двигал и его совершенно не смущала поставленная задача, привычно вверив свою жизнь офицеру, которому полностью доверял. Слыша его уверенный и слегка нагловатый голос, которым он командовал необстрелянными бойцами, меня окатила тёплая волна признательности этому деревенскому парню, на которого тоже мог положиться.

И вот сейчас, не доехав до означенного рубежа, мы встали на грань не выполнения приказа. Решение могло быть только одно: решительно атаковать немцев и уничтожить их. Но кем? Сержант и его подчинённые тупо смотрели на меня коровьими глазами и ничего не сообщали. Быстро огляделся, надеясь увидеть Петьку, но надёжного солдата поблизости не было видно.

– Сержант, соберись, – зло рявкнул я, – где мой боец?

Сержант встряхнулся и в глазах мелькнуло какое-то осмысление, но он по инерции уныло протянул: – Не знаю...

– Убит, что ли?

– Не знаю..., – уже бодрее ответил командир расчёта.

Нас от немцев теперь отделял только вставший поперёк дороги грузовик и вторая машина, сзади которой мы сгрудились.

Был и второй выход из этой ситуации – нырнуть пока не поздно в придорожные кусты и ходу в глубь леса. Но против такого решения во мне протестовало всё: вся моя военная жизнь, характер и вся моя командирская сущность. Вновь бросил быстрый и оценивающий взгляд на крепенького сержанта и его подчинённых, робко жавшихся к заднему борту грузовика.

Точно, если бы я сюда не прибежал, то сержант с расчётом сиганули в кусты..., Главное не по трусости, а из-за растерянности, а потом бы переживали, что труслили....

– Сержант и остальные, слушайте приказ. Как немцы появятся из-за грузовика сразу же в штыковую...

– Там и ляжем, – мелькнула мысль, но сам бодро продолжил, – немцы штыковую не выдерживают...

Это было самоубийственное решение, но другого просто не мог придумать.

– Ещё секунд двадцать и всё... вперёд, – обречённо, но и одновременно зло подумал я.

И тут

пришло спасение. Из-за лесного поворота, где осталась остальная часть колонны, вдруг вывернула толпа красноармейцев, впереди которых, весело покрикивая, легко бежал Петька, за ним виднелся командир батареи с наганом в руке и попеременно противотанкисты со стрелками с их длинными винтовками.

Теперь можно было драться. Я выскочил из укрытия, махнул карабином и, не дожидаясь остальных, рванул навстречу немцам, обтекающих грузовик убитого Остапчука.

– Урааа, – реванул дурным голосом и тут же сделал длинный укол штыком, вложив в него всю свою выучку и сноровку, но немец ловко отбил мой укол штыком и теперь сам заносил автомат для удара, что меня совершенно не обескураживало. Сделав быстрый шаг правой ногой и, одновременно вынося правую руку по кругу, нанёс по дуге страшный удар прикладом по голове противника. Если на голове у него не было каски, она бы лопнула от удара, а так голова лишь коротко и резко дёрнулась и он рухнул на дорогу. Дальше всё слилось в сплошную пелену ударов, прыжков, увёртываний. Кругом царил хаос рукопашной схватки, злобные крики, душе раздирающие вопли, жуткие звуки раздробляемых костей, хрипы сломанных гортаней, одиночные выстрелы. Боковым зрением уловил момент, когда трое бойцов кучей набросились на одного немца. Он упал, с навалившимися на него красноармейцами, а через несколько секунд куча солдат вспучилась взрывом гранаты. Слышались одиночные выстрелы и предсмертные крики умирающих людей...

Схватка внезапно закончилась, но ещё какое-то время все, в том числе и я, метались на ограниченном пятачке дороги, ища себе противника и вдруг поняли – мы уничтожили всех немцев. Я даже растерялся и стоял посередине дороги, запалено дыша, держа наготове в руке пистолет. Когда и где выронил карабин – в упор не помнил. Заныло в боку от полученного сильного удара. Сначала вроде бы обрадовался тому, что остался жив, но когда огляделся – ужаснулся. Всё видимое пространство дороги было завалено мёртвыми телами немцев и наших бойцов. Кто-то ещё шевелился, кто-то стонал, а командир батареи бледный сидел в пыли и со страдальческим выраженьем на лице держался рукой за грудь.

– Капитан, ты что ранен? – Озабоченно наклонился над ним.

– Да нет..., – капитан болезненно сморщился и ещё плотнее прижал ладонь к груди и кивнул на рядом лежащего убитого немца, – уже в конце, как саданул меня, сууука, автоматом в грудь, так я и свалился... Но кто его завалил – не знаю...

– Сможешь подняться?

– Да..., сейчас, только дай мне минутку....

Прошла минута и люди немного ожили, послышались неестественно громкие и возбуждённые голоса. Уцелевшие стали оказывать помощь раненым, а убитых оттаскивать на обочину. А из-за первой машины вынырнул Петька с немецкой фляжкой в руке. Увидев его, я рассмеялся и было отчего. Левое ухо, от сильного удара здорово опухло и нелепо выделялась на голове, а под глазом наливался хорошей желтизной приличный синяк.

– Петька, ну и видок у тебя, уссышишься со смеху...

Солдат жизнерадостно рассмеялся, мимолётно пощупав оттопыренное ухо, и протянул мне фляжку: – Глотните, товарищ майор, я там, в мотоциклах пошарился...

Сделав несколько крупных глотков и продыхнувшись от крепкого алкоголя, я отдал обратно фляжку: – Иди, комбату дай... ему сейчас необходимо....

Полусогнутый и продолжавший держать руку на груди, комбат уже собрал вокруг себя уцелевших сержантов и принимал от них доклады, а хорошо глотнув из фляжки, через две минуты огорошил меня.

– Товарищ майор, у меня убито 17 человек, 15 раненых. Они уже небоеспособны. Их в госпиталь надо. Убит один командир взвода и три командира расчёта...

– Ёб... твою, ни хера себе... Слушай, а у стрелков? Чего-то я взводного не вижу...

– Убит лейтенант. У них семь человек убито и трое раненых, но зато все сержанты целые.

Я только головой замотал: – А мы сколько немцев убили?

– Сейчас посчитают...

Через две минуты доложили – двадцать семь убитых немцев и живой офицер, но без сознания. Это немного успокоило: всё-таки убитых у них на чуть-чуть больше. Приободрился и оттого, что несмотря на стрельбу и столкновение машин, они оказались целыми. А за две эти минуты сформировалось и решение дальнейших действий.

– Петька, сержантов со стрелкового взвода сюда, ты комбат своего взводника и старшину сюда.

А когда все собрались, стал ставить задачи: – Комбат, всех стрелков забираешь к себе в расчёты: заряжающими, подносчиками... Короче оружейными номерами. Вместо убитых командиров расчётов ставишь наводчиков, а на место наводчиков сам определишь. Надеюсь, взаимозаменяемость у тебя отработана. Все сержанты из стрелкового взвода переходят в моё распоряжение. Старшину оставляешь здесь.

– Старшина, – сверхсрочник в возрасте, хозяйственного вида и оттого располагающий к себе, сделал полшага вперёд, – берёшь одну машину. Как только мы отсюда уезжаем, ты в течение пятнадцати минут всех раненых и убитых утаскиваешь на обочину. Естественно: раненых отдельно, убитых отдельно. И собираешь всё немецкое оружие, боеприпасы и летишь к нам. Да, оставишь с ранеными санинструктора. Потом их отвезёшь на переправу и сдашь медикам. Комбат на все перетрубаии тебе пять минут и вперёд. Если это разведка, то у нас есть ещё минимум минут двадцать... Сержанты передать людей капитану и ко мне.

Все разбежались, а я послал Петьку и одного сержанта собрать пулемёты с мотоциклов и патронные коробки с лентами.

Всё-таки в пять минут мы не уложились, но через двадцать минут выскочили к опушке леса и остановились, скрытые последними деревьями. Вместе с комбатом, который уже более-менее пришёл в себя, взводником, вездесущим Петькой и сержантами, переподчиненными мне, прошли по дороге вперёд и присели за кустами.

Что ж, то что видел на карте у командира дивизии, теперь воочию располагалось перед нами: поле, слегка спускающееся к болоту и шириной шестьсот-семьсот метров, длинное, узкое болото, дамба через него, противоположный берег с дорогой вдоль болота, неширокое поле и лес за ним. Справа от нас и правее от дороги, перпендикулярно ей тянулась невысокая земляная насыпь. Недалеко перед дамбой разбитая, дымящая машина, несколько трупов вокруг неё, тоже самое за дамбой, только уже гражданские. Оглядевшись и немного успокоившись оттого, что немцев ещё нет, стал ставить задачи.

– Комбат, ты с первым взводом становишься вон за той за насыпью, но как можно дальше. Чтобы если пойдут танки, ты смог бить им в бок. А ты со своим взводом, – повернулся к командиру второго огневого взвода.

– Видишь, слева..., к болоту тянется как бы язык леса и кустарника. Идеальная позиция и расстояние до дамбы для стрельбы тоже отличное, можно сказать «пистолетный выстрел». Вот там в кустарнике и занимай позицию. Ваши цели только танки, если они будут. И старайтесь подбить их прямо на дамбе, чтобы закупорить её. Ну, а я с сержантами залягу вдоль дороги на поле и займусь пехотой. Да.., если танков не будет, то вы со взводником уничтожаете на дамбе машины, но надо так их лупить, чтобы хороший затор там образовать.

Вопросов не было и моя группа, взгромоздив на плечи два пулемёта, обвешавшись немецкими автоматами и коробками с лентами, скорым шагом, а иной раз переходя на бег, ринулись вперёд. Сзади, гудя двигателями, разъезжались противотанкисты по своим позициям.

Пробежав, обливаясь потом под всё ещё палящими лучами солнца, метров триста, немного в стороне от дороги увидел небольшую, заросшую травой, но вполне удобную и глубокую выемку.

– Туда, – прохрипел я и все послушно завернули в ту сторону. Свалившись на дно выемки, в течение минуты мы отперхивались, прокашливались, пытаюсь выдать из себя хотя бы каплю слюны.

Немного отдышавшись, поднял голову и почти требовательно посмотрел на своего ординарца.

– Петька, ни за что не поверю, что у тебя нет воды...

Сержанты, даже кашлять перестали и тоже с надеждой смотрели на загадочно улыбающегося солдата. А солдат, с наполовину затянувшим синяком левым глазом, скинул с плеча вещмешок и томя нас, медленно шарился рукой в загадочной глубине вещевого мешка. Изрядно потомив нас, он достал фляжку и потряс желанный булькающий сосуд.

Вроде бы сделали всего по несколько глотков, но сразу же появилась слюна, прошла одышка, а откуда-то издали донеслось дружное стрекотанье мотоциклетных моторов.

Мы, как по команде высунулись из выемки. Противотанкисты успели уже скрыться на своих позициях, а из леса на противоположном берегу болота, появились штук десять мотоциклов. Но судя по клубам пыли, поднимающимся над кронами деревьев в глубине леса, там шли уже основные силы противника.

Мотоциклисты шустро подскочили к дамбе и остановились, сбившись в кучу. Пока несколько немцев, соскочив с мотоциклов и оглядев разбитую телегу, ринулись к воде, их командир поднял бинокль и стал осматривать окрестности. Из леса появились первые грузовики, набитые солдатами, впереди которых пёр грузный бронетранспортёр, где из-за бронированных бортов виднелись каски солдат.

Немецкие мотоциклисты торопливо умывались, брызгая водой на лица, поглядывая на приближающийся бронетранспортёр и машины. А офицер, не обнаружив ничего подозрительного и успокоенный следами мотоциклов предыдущей группы в пыли, повелительно закричал и замахал рукой своим подчинённым и те, закончив умываться, дружно побежали к дороге.

– Бля..., блядь..., – мы съехали вниз и я оглядел всех, – еле успели.

– Хотя, ещё лучше было бы, если бы вы тоже заняли позицию на той стороне дороги. Ну да ладно... Теперь поздно.

– Товарищ майор, а как с пулемёта стрелять? Мы ж не знаем, – помкомвзвод пнул ногой кучу коробок с лентами.

Я ещё раз, но уже более внимательно посмотрел на сержантов: да, на их лицах читалась лёгкая растерянность, но испуга не было. Они просто не успели испугаться. Рукопашка прошла мгновенно и они там особо не пострадали. Здесь, пока противник был далеко и на берегу смотрелся игрушечным, а деятельный Петька, в отличие от сержантов, уже орудовал сапёрной лопаткой, пытаюсь сделать выемку более удобной для стрельбы.

– Поздно, парни, поздно вас учить... Смотрите, что буду делать и делайте тоже самое. А вот автоматы – тут смотрите.

Я нажал на кнопку стопора магазина и он послушно выпал в мою ладонь. Опять его вставил и отвёл затвор назад: – Всё можете стрелять. Эффективный для ближнего боя: метров пятьдесят и ближе. Целиться особо не надо, но берегите от пыли и грязи..., очень уж он капризный.

Громкие крики, свист и стрельба пулемёта от дамбы, вновь заставили выглянуть нас из выемки. Пулемётчик с одного из мотоциклов длинными очередями стрелял куда-то нам за

спины. Оказывается, под обстрел попала машина старшины, которая неосторожно выскочила на поле из леса. Сейчас, сваливаясь то передними, то задними колёсами по мелким кюветам, машина судорожными рывками разворачивалась на дороге и даже отсюда хорошо было видно, как от кузова в разные стороны разлеталась крупная деревянная щепа. Били явно разрывными. Машина сумела развернуться и ринулась в сторону леса. Но, проехав метров пятьдесят, она внезапно остановилась, потом дёрнулась и замерла. Дверца кабины с правой стороны распахнулась и на подножку выскочил старшина, глянул в кузов, что-то туда рывкнул и из кузова поднялись двое красноармейцев и стремительно выпрыгнули на дорогу. Одному повезло, а второй не успел, обмякнув на борту и вывалив из руки винтовку в пыль дороги. Пулемётчик стрекотал и стрекотал, но старшина с бойцом благополучно достигли опушки леса и скрылись среди кустарников и деревьев, а над машиной появился лёгкий дымок. Дружно затарахтели двигатели мотоциклов и немцы безбоязненно помчались через поле к лесу. А из леса всё вываливали и выезжали автомобили, набитые пехотой, и у меня появилось мимолётное чувство зависти: – С удобствами воюют, мерзавцы... – Появились наконец и танки.

Но было уже не до разглядываний, мотоциклисты быстро приближались и у меня было всё готово к открытию огня. Рядом, вторым номером, прилёт Петька, а помкомвзвода с сержантами возился со вторым пулемётом. Я подготовил свой пулемёт быстро и они какую-то операцию просмотрели и теперь помкомвзвода нудно зудел сзади: – Товарищ майор..., товарищ майор..., а куда эту херню сувать...? Что-то у нас не получается....

– Отвянь, сержант, отвянь... не до тебя....

Мотоциклы в клубах пыли, быстро вышли на ту черту, когда уже можно было открывать огонь, но я медлил. Бронетранспортёр только выезжал на дамбу, таща за собой автомобили, и я боялся своим огнём замедлить их движение через дамбу.

– Ну..., давай..., давай.... Быстрее же..., Чего медленно ползёшь? – БТР завернул на дамбу и неторопливо попылил к другому берегу, а на дамбу заползла вторая машина.

– Пора, – до первого мотоцикла с офицером осталось сто метров и я с остервенением нажал на спуск. Пулемёт, с не передаваемо приятным грохотом, затрясся в руках, уютно толкая меня в плотно прижатое плечо, – хороша машинка, не то что наш «Максим»...

Первый мотоцикл слетел с дороги в небольшой кювет и его тут же выкинуло в поле. Я думал, что он перевернётся, как тот на лесной дороге, но немец сумел восстановить контроль над мотоциклом и тот по широкой дуге нырнул обратно в пыль. А оттуда выскакивали другие мотоциклы и попадали под мой огонь. Два из них наконец-то перевернулись и в один из них сходу врезалась, следующая за ним трёхколёсная машина. Сидящего за рулём от удара, выкинуло вперёд и он, пролетев по воздуху метров пять, грянул об землю. Перевернулся по инерции, встал на голову и сломанной куклой распластался на дороге. А под мои очереди из пыли вылетали очередные мотоциклы: кому-то повезло больше и они уходили с линии огня, спешили и начинали открывать огонь по моей позиции, а кто-то уже валялся неопрятными кучками на земле.

Оглушающе, за нашими с Петькой спинами, прозвучала пулемётная очередь, потом посыпались радостные матюки.

– Петька, что там? – Не отрываясь от пулемёта, проорал своему второму номеру. Но тот уже сам обернулся и весело перематерился.

– Да это наши сержанты, долбо...бы, наконец-то разобрались с пулемётом.... Слава богу, друг друга не поубивали...

А рядом со мной уже, сопя от усердия, пристраивал пулемёт помкомвзвода и удобно располагался, гремя коробками, второй сержант. Третий тоже пристроился на краю выемки и стал с азартом стрелять по мотоциклистам из винтовки. Правда, стрелял недолго. Лента у меня закончилась и пока Петька вставлял новую, я быстро огляделся. Помкомвзвода длинными оче-

редями поливал залёгших и огрызающихся огнём немцев, а вот третий сержант, уткнувшись лицом в винтовку, не шевелился.

– Убили, мужика... – мелькнула сожалеющая мысль и только сейчас обратил внимание, как густо секли пули землю вокруг нашей выемки. Бронетранспортёр и грузовик за ним остановились на дамбе и с них начали ловко выпрыгивать немецкие пехотинцы, сразу же разворачиваясь в цепь.

– Грамотно воюют, черти... – но тут с БТРа заработал пулемёт и мы были вынуждены скатиться вниз, так плотно и точно нас обстреляли. Через несколько секунд туда скатился и убитый сержант, которому попавшие пули разворотили полголовы и забрызгали нас мелкими брызгами крови и наверно мозгов. Сержанты побледнели и помкомвзвода сразу же вырвало, а второй сержант стал инстинктивно отталкивать от себя тело убитого, упавшего на его ноги. На какой-то момент меня тоже замутило, но не от вида убитого, а оттого как почувствовал на лице и губах кровь, а может быть и частички мозга. Быстро выхватил из заднего кармана грязный носовой платок и обтёрся им, после чего мне полегчало. Петька же грязно выматерился и рукавом просто вытер лицо, размазав кровь по подбородку.

– Товарищ майор, сейчас немцы поднимутся и возьмут нас тут как кутят, – Петька и я одновременно глянули вверх и у обоих тут же пропало желание выглянуть из выемки и посмотреть, что там немцы. На нашем краю ямы всё кипело от красивых, земляных фонтанчиков. Залетали пули и в выемку, но проходили немного сверху над нами, с тупым ударом вонзаясь в противоположный край.

– А ведь выглядывать придётся... Мне или Петьке придётся.... Сержанты скисли.... Ладно, считаю до трёх и высовываюсь – секунд пять мне хватит..., авось не убьют. Раз, два..., – я уже хотел произнести про себя три, как со стороны взвода капитана послышался выстрел, потом второй и злобный клёкот пулемёта сразу заткнулся.

Мы с Петькой мгновенно взлетели вверх к краю выемки и выглянули в поле. На дамбе дымился бронетранспортёр и от него убежало двое человек. Ещё один выстрел и в кузове первого грузовика, где у кабины стояло трое немцев, блеснуло кроваво-красная вспышка разрыва. Вторым грузовик после попадания снаряда в БТР стал сдавать назад по дамбе, но когда в первый грузовик попал снаряд, водитель не выдержал, выскочил из машины и задал стрекача в сторону остальной колонны. Четвёртый выстрел превратил автомобиль в груду обломков.

– Молодец, комбат, – я в азарте повернулся к Петьке, – одним орудием пожертвовал, но дамбу закупорил и нам помог. Давай сюда пулемёт, сейчас пехоту причешем.

Немецкая цепь успела пробежать от дамбы метров сто и поравнялись с лежащим на боку, слегка дымившимся грузовиком. Поднялись было ободренные подмогой и нашим молчанием и залегшие мотоциклисты, но сразу же завалились на землю, как только я открыл огонь. Через минуту открыл огонь и помкомвзвода и немцы, не выдержав, стали откатываться к дамбе. Помог нам в этом и огонь противотанковой пушки. Поняв, что позиция раскрыта и пушка обречена, комбат открыл беглый огонь по немецкой цепи, а потом перенёс огонь на колонну, стараясь как можно больше нанести урона и внести переполоха в ряды немцев.

Первый натиск мы отбили и даже не стреляли по отступающим. Но теперь мы с беспокойством наблюдали, как десять немецких танков, заканчивая размещаться на достаточно ограниченном пространстве между дорогой и болотом, разворачивали башни в нашу сторону. За колонной, на поле между лесом и дорогой стояли приведённые к бою миномёты, куда миномётчики тащили ящики с минами.

– Ну, парни нам сейчас звиздец будет, – и звиздец не замедлил начаться. Танки почти одновременно открыли ураганный огонь по обнаруженной противотанковой пушке и по нашей позиции. Не знаю, что творилось у комбата, но мы полу оглушённые, заваленные землёй от близких и опасных разрывов, задохнувшиеся от дыма, пыли, гари, с кислым привкусом от сгоревшей взрывчатки во рту, валялись друг на друге, каждую секунду ожидая конца жизни.

Танковый огонь, как внезапно начался, также резко и оборвался. Но передышка длилась лишь полминуты, за которые мы сумели лишь осознать – мы живы, нас не убили, мы ещё живём...

И тут нас накрыли с миномётов. Это было ещё страшнее. Я был самым опытным из лежащих на дне ямы и понимал, что танковый снаряд был не так опасным, как любая мина, которая по навесной траектории могла попасть прямо в выемку и от нас останется только мясной фарш. А вот мои подчинённые, впервые попавшие в такой переплёт, были деморализованы как танковым обстрелом, так и миномётным. Даже у бойкого Петьки сквозь грязь, копоть и чужую кровь, серым цветом светилось от страха лицо.

Последняя мина разорвалась почти на краю выемки и всё стихло. Сержанты и Петька потрясённо смотрели друг на друга и на меня, не веря тому, что они остались живыми, а я начал их тормошить, заставляя привести в порядок засыпанное землёй оружие и боеприпасы, понимая, что немцы после такой подготовки повторят попытку двигаться дальше. Меня тревожила судьба комбата и его расчёта, но в тоже время успокаивало, что остальные позиции противотанковых орудий немцами не были выявлены и ещё можно пободаться. Я глянул на солнце, которое неуклонно катилось к закату, а потом на часы.

– Блин, ещё долго до темноты... Удержаться бы до ночи, а там с утра...

Глава вторая

Курт перестал крутиться в кузове и затих. Пришёл он в себя уже связанным и лежащим на дороге и видел всё: зверски убитых подчинённых, перевёрнутые, опрокинутые и развороченные мотоциклы, откуда трое солдата под командованием пожилого русского фельдфебеля шустро выгребали оружие, боеприпасы и ранцы. Всё это закидывалось в кузов грузовика. Убитые русские и раненые лежали в ряд в тени деревьев, а вот убитые немецкие солдаты были просто побросаны в кювет как попало.

Зейдель никогда не испытывал чувства стыда, считая что он правильный немец, хороший офицер и он не совершал, как он считал, и не может совершить каких-либо ошибок или действий, за которые ему будет стыдно. Но сейчас чувство стыда жгуче жгло душу – душу правильного немецкого офицера. И каждый раз, когда взгляд Курта останавливался на неопрятной куче тел убитых подчинённых, его окатывал жар стыда.

.... Это из-за него они погибли...., это он подготовленный, обученный командир не смог предвидеть и уберечь доверявшихся ему солдат. Помимо того, что он погубил взвод, он не выполнил задание командира полка и не смог предупредить об опасности полк, который уверенно, рассчитывая на надёжного обер-лейтенанта Зейделя, ничего не подозревая, пёр в засаду, где погибли ещё десятки немецких солдат. Зейдель даже взвыл от этой мысли и если бы руки были развязаны и рядом был пистолет, он не задумываясь застрелился. Но руки были связаны, а пустая кобура бессмысленно болталась на ремне.

Закончив свои дела, фельдфебель с солдатами подбежали к лежащему Курту и, пнув его в бок, грубо схватили за одежду и рывком закинули в кузов, что было достаточно болезненно. Туда же заскочили двое солдат и грузовик помчался в ту сторону, откуда приехала немецкая разведка.

Когда слышались пулемётные очереди и от бортов кузова полетели щепки, Курт сначала обрадовался, считая, что его сейчас тоже убьют и он избежит позорной встречи с однополчанами. Он почти с завистью смотрел на повисшего на борту убитого красноармейца и ждал своей пули, когда представил, как оберст Хофманн поглядев на связанный, с вывернутыми карманами, растрёпанный труп своего подчинённого, осуждающе покачает головой и скажет окружающим его офицерам: – А я ведь надеялся на него.... Считал его способным и надёжным офицером....

Теперь Зейдель страстно возжелал, чтобы русские отбили все атаки полка и его увезут в тыл русских, подальше от этого позора.

Обер-лейтенант счастливо избежав поражение от пулемётного огня, протянулся телом немного вперёд и приник к дырке в борту, где почти с удовлетворением наблюдал, как мотоциклисты, точно также самонадеянно, как и он, сам влетели под огонь противника. Теперь он хотел, чтобы русские нанесли как можно большее поражение его полку, чтобы хотя бы этим можно оправдать то унижительное положение, в котором оказался Курт.

Вскоре его внимание несколько отвлёк дым тянувшийся из под грузовика, но он через несколько минут утих и Зейдель не видел результатов танкового и миномётного огня, но услышав рёв танковых двигателей, вновь приник к дырке.

Увиденное, не придало ему оптимизма. Танки, энергично и точно обстреляв позиции русских, вдоль колонны двинулись к дамбе.

– Сейчас они сомнут их и найдётся какой-нибудь идиот, который из лихости обязательно переедет грузовик. Брррр... – смерть под гусеницами... Нееееет..., – Курт лихорадочно завертелся по кузову, чтобы чем-нибудь, как-нибудь перерезать, перетереть верёвки на руках и ногах. Но в кузове валялись автоматы, подсумки, ранцы, лежало всё, но ничего такого, чтобы помогло освободиться....

Громкий скрежет заставил вновь прильнуть к дырке. Первый танк, повернув ствол немного в сторону, выехал на дамбу и теперь успешно столкнул оттуда обломки второго грузовика. Потом подъехал к первому и стал его пихать вперёд на бронетранспортёр, и эта вереница подбитой техники и издавала неприятный металлический скрежет в медленно-томительном движении.

Русские молчали, а когда, танк толкающий остатки грузовика и БТР чуть приостановился на выезде с дамбы, резко и хлётко ударили две противотанковые пушки из-за насыпи. Хотя сорокапятимиллиметровые снаряды и попали в башню танка, но они красиво от ricoшетили, кроваво блеснув трассами, и ушли в сторону. Танки начали поворачивать башни в сторону обнаруживших себя пушек русских и те успели сделать ещё выстрелов пятнадцать, сумев разбить левую гусеницу на переднем танке и тут на позиции русских обрушился огонь уже всех танков, а ещё через пару минут к ним присоединились и миномётчики, заставив замолчать русские пушки. Это так думали немцы, посчитав, что сломили сопротивление и уничтожили позиции противника. Но Курт переместился к следующей дырке и с удовлетворением увидел залёгших русских противотанкистов.

– Живые..., – почти радостно подумал Зейдель, – пусть теперь кто-нибудь попробует меня в чём то упрекнуть....

Курт опять тяжело переместился к прежней дырке, связанные руки и ноги затекли и было трудно шевелиться, но ему ещё и профессионально было интересно наблюдать бой со стороны. Танкисты с первого танка безбоязненно вылезли из машины и сгрудились у разбитой гусеницы, обсуждая как её починить. В этот момент, откуда-то слева, по танкам на дамбе открыли интенсивный огонь неизвестные артиллеристы и впервые же минуты подбили обе бронированные машины. Экипажу первого танка повезло больше: их только раскидало взрывами в разные стороны, а когда танк густо задымил, они подхватили раненого товарища и шустро потащили его на другую сторону дамбы. Но по ним заработали русские пулемётчики и те были вынуждены залечь на открытом месте. А вот из второго танка, горевшего ярко-багровым пламенем, перемешанным с чёрным дымом, никто не вылез.

Теперь немцы разделились и часть огня обрушили на невидимые для Курта позиции русских, а лежавшие неподвижно артиллеристы первой огневой позиции, внезапно вскочили и открыли огонь по миномётчикам, расположившихся открыто в поле за колонной. Меткий огонь артиллеристов, заставил замолчать миномётную батарею и теперь русские вступили в артиллерийскую дуэль с танками, которая продолжалась минут пятнадцать и стоила немцам ещё одного танка, который лениво дымил за болотом.

Эта часть боя русскими была выиграна вчистую и задачу они свою выполнили: закупили проезд и остановили движение противника, но не надолго. Курт это прекрасно понимал: сейчас командование полка вызовет авиацию и те здесь повеселятся, раскатав в пыль всё, что увидят сверху. В том числе и его подбитый грузовик.

* * *

Тяжёлый, слитный гул, донёсшийся со стороны немцев, заставил нас встрепенуться и мы осторожно выглянули из выемки, но ничего опасного для себя не увидели. Немцы продолжали вяло обстреливать из танков и миномётов молчавшие позиции наших артиллеристов, а те временами внезапно оживали и огрызались огнём одиночного орудия, основной целью которого были немецкие миномётчики, продолжавшие стоять открыто. Сделав три-четыре выстрела и разогнав немецкую прислугу, а при удаче кого-нибудь и завалив, орудие замолкало. И все танки минуты три долбили место, откуда русские посмели стрелять.

Послушав тягучий, выворачивающий душу гул, я сполз вниз и удручённо сказал: – Ну, орлы, по-моему по нашу душу летят....

А через минуту Петька почти радостно подтвердил: – Точно, товарищ майор, летят орёлики... Аж целых шесть штук.

Мы опять вылезли к верхнему краю и с любопытством стали наблюдать за действиями вражеской авиации. Те действовали неторопливо. Сначала с рёвом низко пролетели над нами, кроваво сверкнув остеклением кабины, от заходящего солнца, а потом поднявшись на высоту метров в пятьсот, построились в большой круг и ближайшая машина с угрожающим рёвом понеслась к земле и как нам показалось прямо на нас. Мы дружно упали на дно выемки и друг на друга, закрыв в страхе руками головы. Поэтому не видели, как первый самолёт вывалил из своего брюха на позицию противотанкистов кучу мелких осколочных бомб, накрыв там сразу всё и всех. Второй всё это свалил уже на нашу позицию и земля заколотилась в судорожной дрожи, пытаясь выбросить нас из выемки. Я что-то в безумии орал, орал Петька, кто-то из сержантов на высокой визгливой ноте умолял: – Мама..., мама.... заberi.... Заberi меня отсюда. Мама, я не хочу...

Что он не хотел, мы так и не узнали, потому что визгливые выкрики превратились в один бесконечный вой. Грохот закончился, а на наши спины и головы ещё долго сыпалась поднятая вверх земля и пыль. Грохот разрывов переместился на другую позицию, а на нас надвигался следующий смертоносный смерч от очередного звена бомбардировщиков. Всё опять смешалось в один непереносимый грохот и ужасное ожидание конца.

Я уже потерял счёт заходам бесконечной бомбёжки и ничего не соображал, как вдруг всё закончилось. После чудовищного грохота, наступила такая пронзительная тишина, что удаляющийся гул бомбардировщиков казался мурлыкающей, чарующей музыкой, только пробивалась она как сквозь вату. Не открывая глаз, прислушался к своим ощущениям и к своей нечаянной радости понял – я цел. Но, продолжая лежать, тихо позвал: – Петька..., Петька ты как?

– Хреново, товарищ майор, по-моему меня в ноги ранило... такая тупая боль..., – слышался жалобно-обречённый голос солдата и я встревожено открыл глаза, а быстро оглядевшись, хрипло рассмеялся.

– Хорош умирать, солдат. Мы ещё с тобой повоюем. Это у тебя на ногах пулемёт лежит, а сверху его я. А вот сержанту нашему мамка не помогла... Убило мужика.

Петька до этого неподвижно лежащий на животе, оживился, а когда я слез с него и снял пулемёт, выгнулся и через плечо недоверчиво посмотрел на ноги, потом шустро перевернулся и озабоченно стал ощупывать ноги: – Как ударило, сууукаааа. Я думал – ноги оторвало. Так обидно на хрен..., – ординарец что-то любовно ворковал над своими ногами, гладил их, а я с горечью смотрел на убитого, на спине которого земля смешанная с пылью, обильно пропиталась чёрной кровью

– Сержант, тебя как зовут? – Позвал помкомвзвода, заторможено копошащегося около убитого. Тот поднял голову и непонимающе посмотрел на меня, – Тебя, что контузило?

Помкомвзвода бессильно помотал головой и сплюнул густую слюну: – Неее..., кажись. Степана жалко. А меня... Увинарий

– Хм, интересное имя, – мимолётно удивился я, но добавив энергичности в голосе, бодро скомандовал, – жалко конечно. Но жалеть будем потом..., после войны, если этот бой переживём. А сейчас давайте приводите оружие к бою, разберитесь с боеприпасами. Что там у нас осталось? А я погляжу. Как остальные.

На огневой позиции, где командовал командир батареи, всё было разбито и покрыто вывороченной землёй. Никакого движения там не наблюдалось и с сожалением пришлось констатировать: – Да..., капец там всем... Отстрелялись парни...

Деревья, кустарник, которые скрывали вторую огневую позицию, вроде бы не особо пострадали, но клубящиеся жёлтая пыль и чернота густой сети многочисленных воронок перед опушкой языка, подсказывала, что и тем тоже не хило досталось. Но у нас пыли было больше: лётчики промахнулись метров на пятьдесят и основная часть бомб упала именно на дорогу и вокруг неё, а нас зацепило лишь слегка. Хотя около нашей выемке, метров в трёх курилась

небольшая воронка, а в безветренном воздухе пылевое облако минут десять ещё будет скрывать нас от немцев.

– Петька, Увинарий, гоните к машине, если старшина исполнил приказ, то там пулемётные ленты, ранцы. Тащите все сюда и пожрать тоже.... Если, конечно есть чего-то....

Ординарец выскочил из выемки и почесал к уцелевшей машине, сержант же неторопливо вылез следом и потрусил в ту же сторону. Он до сих пор не пришёл в себя и тела убитых сержантов деморализующе действовали на него.

– Ладно, вернутся, разберусь с ним. – Сам занялся пулемётами и с удовлетворением убедился, что добротные немецкие машинки не пострадали ни от бомбёжки, ни от пыли и земли обильно нас засыпавшей. Раскопал пару коробок с лентами и вытащил оттуда на метр ленту с патронами, здесь тоже всё было в порядке: лента чистая и во время стрельбы пулемёт не заест.

От суеты с оружием меня отвлекли громкая ругань и возмущённые возгласы, донёсшиеся от машины.

Судя по взмахам руки, наполовину скрытый бортами, Петька бил кого-то невидимого мне, лежащего на дне кузова. Кого – не понятно. Увинарий стоял рядом и смотрел тоже на дно кузова, а с двух сторон на машину, встав на колёса, лезли старшина и уцелевший красноармеец. Замахнувшись ещё пару раз, Петька кого-то ударил, поднялся на ноги, пнул ещё раз ногой, после чего стал деятельно распоряжаться. Я отвернулся и посмотрел в сторону немцев: пылевое облако поредело, но дамба не проглядывалась и у моих подчинённых было ещё минут пять.

– Ого! – Удивился, глянув на часы, – да мы тут уже три часа бьёмся. А показалось как будто только час.

Критически посмотрел на солнце, своим краем зацепившееся за верхушки деревьев. Скорей бы стемнело.

Опять послышались крики от машины: Петька со старшиной из кузова подавали внизу стоящим большие тюки, один из которых сержант и красноармеец повесили на шею третьему со связанными за спиной руками.

– Хо-хо, да это очухался офицерик... Как это его там не убило, когда с пулемёта окучивали?

Через пару минут, толпой, все свалились в выемку и сразу же стало тесно. Даже помкомвзвода оживился и теперь обстоятельно вынимал из тюка пулемётные коробки. С шеи высокого, мужественного вида немца с разбитым в кровь лицом, старшина с красноармейцем Белкиным тоже сняли тюк и тот, повернувшись спиной ко мне, на хорошем русском языке попросил развязать руки, чем немало удивил всех.

– Баааа..., да мы оказывается по-русски балакаем...., – Петька аж присвистнул в восхищении и толкнул немца в спину, отчего тот свалился и ткнулся лицом в землю, – да он, товарищ майор, в кузове почти развязался. Ещё бы пять минут и в спину нам бы с автомата открыл огонь...

– погоди, – одёрнул бойца, – свяжи ему ноги и развяжи руки. Поболтаем... А вы пока убитых из выемки вытащите и тут подчистите, чтобы удобней было сидеть, а то тесно.

Бойцы выполнили мой приказ и через пять минут я сунул в руки немца папиросу. Тот жадно затянулся и тут же закашлялся, вызвав смех солдат.

– Ну, давай обер-лейтенант, рассказывай. Куда ехал? Какой был у тебя приказ? Сколько сил перед нами и какие? Откуда русский язык так хорошо знаешь?

Немец, растирая руки, медленно обвёл глазами всех присутствующих и вновь остановил свой взгляд на мне. Внешне он выглядел спокойным, но напряжённый взгляд выдавал, чего ему стоило быть невозмутимым.

– Господин майор, – и я в очередной раз поразился его почти чистой русской речи, – предлагаю вам, прекратить бессмысленное сопротивление и сдаться доблестным германским

силам. Со своей стороны даю гарантию немецкого офицера, что вам и вашим солдатам будет сохранена жизнь и достойные условия для проживания в плену...

Коротко хохотнув, я оглянулся на своих подчинённых, которые молча и с любопытством слушали нас: – Слушай, как тебя там – Ганс, Фриц, Шмидт...? У меня даже солдаты не засмелись на твою речугу. Ты хоть сам веришь, что ты сказал?

– Меня зовут Курт Зейдель и я обер-лейтенант. Я офицер и сейчас предлагаю вам, как офицеру, сдать, а ваши солдаты должны подчиниться вашему приказу. Насчёт гарантий я ещё раз их подтверждаю.

Я сидел и с лёгким удивлением рассматривал сидящего передо мной немецкого офицера. Спорить с ним мне не хотелось, это было бесполезно и бессмысленно. Убить его, достать пистолет и пристрелить или приказать это сделать подчинённым – слишком примитивно. Хотелось раздавить его психологически – сломать и раздавить. Показать, что кроме жизни любой ценой есть другое, более высшее.

Приподнялся и выглянул из-за края. Пылевое облако рассеялось и прекрасно было видно, как на дамбе опасно суетились немецкие солдаты, готовясь оттуда стащить разбитую технику. Ну, пусть суетятся, минут через сорок наступит темнота и вряд ли они будут наступать ночью. А утром мы ещё посмотрим.

– Увинарий, ну-ка помоги офицеру подняться, пусть посмотрит на дамбу. – Все зашевелились и полезли к краю выемке, чтобы тоже смотреть – А что там? Помкомвзвода помог немцу подняться и тот тоже выглянул и посмотрел в сторону дамбы и через полминуты сел обратно на землю.

– Ну что, Курт, что ты там увидел? Чего молчишь? Ты что – так ничего и не понял? – Немец молчал и смотрел прямо мне в глаза, отчего у меня даже шевельнулось подобие уважения к нему и ещё больше захотелось победить его в этом поединке, – Странно... А там стоит твоя часть и никуда она до утра не дёрнется. И мне сейчас всё равно – Кто там стоит? Полк, дивизия, армия, но я её, вот с ними, – обвёл руками сидящих в выемке, – остановил. Я выполнил свою задачу. Выполнил приказ командира дивизии. А ты нет. Ты её завалил. Вот я не безмозглый дурак и понимаю, что завтра, часиков так в восемь, уже буду наверняка убит и ты тоже тут же будешь убитый валяться. Только вот мой командир дивизии завтра донесёт в штаб корпуса, что майор Третьяков с противотанковой батареей и стрелковым взводом погиб, но остановил противника и дал дивизии возможность переправиться на тот берег, спас тем самым тысячи жизней солдат, раненых и гражданским. И сто, а может более человек, которые видели, как я уходил сюда, тоже будут помнить об этом, а когда выживут – вспомнят, хорошо и с уважением. А твой командир полка с офицерами штаба завтра останутся над твоим трупом и сожалением скажет – Я же верил ему...

У немца болезненно дёрнулась щека и я не замедлил додавить его: – Угадал...? И ты после этого предлагаешь нам сдать... Вот знаешь в чём моя сила? У меня есть выбор, а у тебя его нет. Я могу сейчас достать пистолет и пристрелить тебя. Ты мне не нужен, одни хлопоты от тебя.

Я достал пистолет и приставил его ко лбу пленного и он сильно побледнел: – Сейчас нажму на курок и ещё через пятнадцать секунд тебя выкинем из этой ямы... Но..., противно тебя вот так убивать, зато это мой выбор..., – взвёл курок и сухой щелчок заставил немца вздрогнуть.

– Боишься... А хочешь я тебя отпущу? – Внезапно изменив направление своих рассуждений, заставил немца опять вздрогнуть и в его глазах мелькнула безумное желание жить. Я опустил пистолет и, поставив его на предохранитель, сунул в кобуру, – Иди..., я тебя отпускаю....

Немец глядел на меня во все глаза, не веря в то, что ему предложили и в яме повисло удивлённое молчание.

– Иди, обещаю, в спину стрелять не будут. Шагай, ты мне не интересен...

– Товарищ майор, если вы не хотите пачкаться, дайте я его грохну, – нарушил молчание Петька и, сухо клацнув, отвёл затвор автомата в заднее положение.

– Ты лучше свяжи ему руки и развяжи ноги.

– Товарищ майор, да я его...

– Товарищ боец, закройте рот и выполняйте мой приказ. А ещё возьмите и помогите ему вылезти из ямы.

Петька обидчиво дёрнул плечом и рывком поставил немца на ноги и тот не веря в происходящее, опять глянул на меня: – Господин майор, так я могу идти?

Но его зло пнул под жопу Петька и стал выталкивать из выемки: – Иди.., иди отсюда Фриц, а то я тебя сейчас сам стрельну... иди..., радуйся, что у нас майор такой добренький.

Курт вылез наверх и остановился, глядя сверху на нас, и неуверенно спросил: – Так я пошёл...?

Я устало махнул рукой – Иди мол, и немец пошёл. Сначала медленно, но чем дальше он отходил, шаг его всё ускорялся и через сто метров он перешёл на неуклюжий бег. Бежал бы быстрее, но мешали связанные сзади руки.

– Товарищ майор, дайте я его сейчас грохну... уйдёт же, – Петька умоляюще смотрел на меня.

– Отставить, – солдат с недовольным лицом опустил вниз.

– Всё..., дошёл до своих, – старшина спустился вниз, помолчал немного и спросил, – А всё-таки, товарищ майор – Почему вы его отпустили?

– Старшина, ну ладно они по своей молодости и неопытности не понимают, – мотнул головой на недовольного Петьку и на остальных с любопытством ожидающих ответа, – Ладно, объясняю. Вот если бы, там на дороге, не мы немцев замочили, а они нас. И я, один, остался в живых. Попал в плен вот этому Курту и он меня бы отпустил – вот так. Явился бы к командиру дивизии со связанными руками и доложил – задачу не выполнил. И чтобы со мной сделали? Думаю дальше рассказывать не надо. Ему сейчас надо ответ перед своим командиром держать и доказывать: как это так его взяли и отпустили? Вникаете? Вот пусть помучается... Ну, и самое главное. Он нас пересчитал, разбитую позицию противотанкистов видел, считает что только мы и остались, с моих слов понял, что мы в этой выемке и завтра с утра обороняться будем. Об этом он и доложит сейчас своему командиру.

А мы, как стемнеет, отойдём отсюда и займём другую позицию. Пошаримся по огневым позициям – может, кто остался там живой и по новой встретим врага. Врубаетесь? – Все кивнули головой, – военная хитрость называется. А так хлопнули его без всякой пользы для нас...

...Как только сгустившиеся сумерки скрыли нас от наблюдения, к нам пришёл командир батареи. Доклад его был неутешительный. На его позициях все пушки бомбёжкой выведены из строя, а из подчинённых в живых осталось лишь трое.

– Да, лесом пришёл огневик от командира взвода. У них две пушки целые, но половина взвода убитые. И пять целых машин с водителями. Что будем делать, товарищ майор?

– Ты то сам как? Что-то нехорошо выглядишь? – Комбат в серой мгле сумерек выглядел действительно неважно: осунулся, как-то постарел, надсадно и хрипло дышал, постоянно держа руку на груди.

– Хреново, здорово меня всё-таки немец ударил... Сломал что-то, но вы не беспокойтесь – я в строю. Что думаете? Что делать?

Глава третья

Короткая, летняя ночь прошла спокойно, но быстро и в хлопотах. Мы перегруппировались и были готовы к предстоящему бою. Ночью старшина вытащил всех раненых в лес, без включенных фар подогнал машины, загрузил и увёз к переправе. Нашёл, по моему приказу, командира дивизии и доложил ситуацию. Комдив передал мне – Держаться можно уже до девяти утра и отступать на машинах к переправе. Как только мы переправимся, он её взрывает. Но если мы к десяти часам не появимся, он её всё равно взрывает. Ну, так жить уже можно и надеяться тоже, хотя с другой стороны понимал – вряд ли кто из нас доживёт и до девяти часов. Ко всему старшина вернулся не пустым, привёз вдоволь еды и все повеселели. Но комбату становилось всё хуже и хуже и я ему предложил уехать к переправе.

– Вот закончим завтра бой, переправимся вот тогда и сдадите меня в госпиталь. А пока ещё могу воевать, – и зашёлся в длинном, надрывном кашле.

Немцы действовали, как я и думал. В предрассветной мгле, в призрачном болотном тумане, разведка немцев проскользнула через дамбу и сразу ушла вправо. Вышла на разбитую огневую позицию второго огневого взвода и убедилась, что русские с позиций ушли, оставив убитых и разбитую пушку. Краиной леса прокрались к дороге и залегли буквально в двадцати метрах от нас. Петька, я и Белкин, который тоже оказался довольно шустрым и сразу же влился в наш с Петькой небольшой коллектив, замерли. Я навёл на группу разведчиков ствол пулемёта, готовый в упор расстрелять тех, но они вели себя тихо и хоть вели наблюдение во все стороны, нас не обнаружили. Уже достаточно рассвело и с их места хорошо просматривалась бывшая позиция первого огневого взвода. Там тоже виднелись разбитые пушки и трупы противотанкистов. По наблюдав минут пять за окрестностями, среди них поднялись три фигуры и также тихо скользнули к нашей выемке и через две минуты оттуда замахали рукой. Разведчики поднялись и уже во весь рост, никого не опасаясь, ушли туда, а мы перевели дух. Минут через сорок к первым разведчикам присоединились ещё несколько человек, один из которых был с радиостанцией и они опять двинулись в нашу сторону.

– Ну что, подпустим поближе и валим их, товарищ майор? – Петька с Белкиным поудобнее устроились и приложили металлические приклады автоматов к плечу, но я их разочаровал.

– Тихо, это разведка и их надо пропустить. Белкин, шуруешь к командиру батареи – всем лечь и лежать тихо. Давай, давай быстрее...

Немцы, вытянувшись в две небольшие, растянутые колонны по пыльным обочинам дороги, настороженно прошли мимо нашей засады и вскоре скрылись. Мы замерли, боясь услышать стрекотню автоматов в расположение артиллеристов, но и там тоже было тихо. Замаскировались мы в принципе хорошо, но всё равно какая-нибудь мелочь могла нас выдать. Хотя бы даже кашель комбата, который ночью иной раз доносился до нас.

Совсем рассвело, но дамбы видно ещё не было из-за плавающего густыми пластами над болотом сизого тумана. Хотя поле над болотом, где стояла немецкая миномётная батарея, видно было хорошо. Немцы на нём так и остались на ночь. Там помимо самой батареи стояло десятка три палаток. Во множестве горели костры, вокруг, которых сидели и лежали солдаты. Но с каждой минутой там становилось всё оживлённей. Вскоре с нашей стороны выкатило красное утреннее солнце и залило расположение противника багрово-красным цветом.

Мы с Петькой продолжали наблюдать, а когда к нам присоединился комбат, Белкин, Уварий и старшина, туман разогнало и мы увидели очищенную от разбитой техники дамбу. Подбитые танки и БТР стояли в стороне, а остатки грузовиков чернели в болоте.

– Чёрт..., сейчас кофе попьют и пойдут вперёд, – мельком глянул на часы и разочарованно присвистнул, – пять тридцать всего ли ж. Что ж..., будем держаться.

Я обвёл глазами, если так можно было выразиться, ядро нашего коллектива. Людей, на которых мог положиться полностью. Даже на Увинария... После вчерашнего боя он сумел встряхнуться и теперь выглядел собранным и готовым ко всем превратностям предстоящего.

– Я с Увинарием остаюсь здесь с пулемётом. Петька, ты с Белкиным берёшь второй пулемёт. Комбат дай ему ещё двоих человек и вы проходите по дороге в сторону переправы метров пятьсот и занимаете оборону против разведчиков, которые будут возвращаться, как только услышат звуки боя. Ваша задача уничтожить и не дать им ударить нас с тыла. Вы, Григорий Иванович, – обратился я к комбату, успев с ним вечером более-менее пообщаться, – как услышишь звуки танковых моторов, ну..., впрочем ты знаешь, как действовать. Немцы наверно минут через сорок пойдут. Старшина, ты у машин. Кто в девять часов к тебе выйдет с тем и уходишь. Всё, по местам.

...Бой был скоротечным. Хоть он и начался, как мы планировали, но сила и огневая мощь были на стороне противника. Первыми двинулись танки, за ними мотоциклисты, потом грузовики с пехотой и потекла лента колонны через дамбу. Комбат с двумя пушками успел вовремя и даже подбил один танк, но остальные, развернувшись в цепь, открыли дружный огонь и через пять минут с противотанкистами всё было кончено. Пока танки и артиллеристы разбирались друг с другом, грузовики с мотоциклистами остановились вдалеке, недоступные для нашего пулемётного огня. И мы с сержантом в бессилье наблюдали гибель остатков батареи. Танки свернулись в колонну на дороге и двинулись вперёд, а за ними весёлой стайкой помчались мотоциклисты и снова потекли бесконечной лентой грузовики. Ужасно проскрежегав гусеницами по останкам пушек, танки, донеся до нас угарный запах сгоревшего бензина, подымая густую, белесую пыль, ушли в сторону переправы, откуда донёсся мощный взрыв – скорее всего комдив взорвал её раньше срока. Едва прошли танки, я с пулемёта, Увинарий, оскалив зубы с автомата, с близкого расстояния расстреляли практически всех мотоциклистов, а дальше... Перебежки с места на место. Опять стрельба, опять перебежки. Разрывы мин, щёлканье и треск разрывных пуль – всё это слилось в одну сплошную пёструю ленту мелких события, непрерывно льющихся друг за другом. Нам с Увинарием пока везло и мы, забыв про всё, просто дрались. Вошли в то состояние, когда русскому мужику уже было всё равно убьют его, искалечат, изрубят в куски, но с собой он утащит врагов по максимуму. Как сказал один из заграничных полководцев – «Русского солдата мало убить – его надо ещё и повалить на землю....»

Не повезло мне, я со злым азартом вёл стволом пулемёта по немецкой цепи, перебегающей в нашу сторону, как что-то сильно ударило в голову и я мгновенно ушёл туда, куда обычно уходят люди в такой ситуации....

Глава четвёртая

Курту тоже не повезло, его срезало первыми же очередями пулемёта и сейчас он лежал плотно прижавшись к земле. Рана была пуляковая, пуля лишь длинно скользнула по рёбрам, вспоров кожу, и ушла, но крови вышло много. С такой раной, перевязавшись, можно и дальше воевать, но Зейдель продолжал лежать и в грохоте стрельбы тоскливо размышлял.

– Scheise. Это судьба – вот не пошла мне русская кампания и всё. И почему мне, нормальному немецкому офицеру и так не повезло? За что меня бог наказывает? Что я сделал такого? Вчера опозорился. Сегодня мог реабилитироваться, но только начался бой и я снова беспомощен.... Солдаты кто убит, а кто ранен.... Надо командовать... А что...?

– К чёрту..., так и буду лежать.... Я ранен, пусть меня отправят в госпиталь.... А потом, после госпиталя, начну всё по новой. – Зейдель продолжал лежать, ничего не предпринимая, и терзался в душевных муках.

Терзаться было отчего. Стыдно было за то, как со связанными руками пришёл от русских. Да..., его сразу узнали солдаты и офицеры, сочувственно развязали руки, дали глотнуть шнапса. Под любопытными взглядами солдат и офицеров промчался на мотоцикле к штабному автобусу и предстал перед командиром полка.

Обер-лейтенант кратко и лаконично, ничего не скрывая, доложил о гибели разведотряда. Об обстоятельствах пленения и как его отпустили русские. Докладил и замолчал. Молчал и командир полка и это было страшнее всего. Он ожидал обвинений в трусости, в бестолковости. Даже криков и ругани со стороны всегда сдержанного и спокойного полковника. Был согласен с немедленным арестом и отдачей под суд. Но был не готов к молчанию. Молчание ведь тоже имеет свои оттенки – презрение, брезгливость, негодование, осуждения в конце концов. А здесь просто молчание, которое всё более затягивалось. Чем бы закончилось молчание неизвестно, но в этот момент в дальнем углу автобуса из-за шторки выглянул связист: – Господин полковник, командир дивизии на связи.

Полковник Хофманн грузно встал со стула и мотнул головой, мол – пошли. В своём закутке связист протянул трубку. Что спрашивал командир дивизии, даже гадать не стоило.

– Яволь, герр генерал. Завтра к десяти мы выйдем к переправе. Оборона русских уничтожена, полк готовится к завтрашнему продвижению вперёд. Да. Донесение о потерях будет в ежедневной сводке.

Командир отдал трубку солдату и жестом руки пригласил подчинённого выйти из автобуса.

– Ганс, – из-за машины на голос полковника неторопливо вышел пожилой ординарец командира, – Ганс, дай обер-лейтенанту умыться и помоги ему привести себя в порядок. После этого я жду вас для разговора.

Через двадцать минут, умытый, причёсанный, очищенный от пыли обер-лейтенант снова стоял перед командиром полка. Внешне такой же, как всегда спокойный и подтянутый, лишь пустая кобура на поясе напоминала о его позоре.

– Пойдёмте, Курт, прогуляемся, – командир не спеша пошёл по полю, вдоль опушки леса, заполненный гулом техники и голосами солдат, располагавшихся на ночлег.

– Курт, мы знаем друг друга больше двух лет и всё это время ты служил под моим началом. Ты хороший, добросовестный офицер и в тебе слились все самые хорошие немецкие качества – дисциплинированность, аккуратность, точность, исполнительность, честность. Ты мог бы солгать и сказать что, воспользовавшись моментом, сбежал от русских. И ведь никто не смог бы опровергнуть твои слова. Но ты честно рассказал, как этот непонятный майор отпустил тебя. Весьма удивительный поступок со стороны русского. На твою честность отвечу тоже откровенно. Ты ждёшь вопросов и они обязательно будут. От сослуживцев, от государственных

ных органов, от родственников твоих подчинённых, погибших рядом с тобой. . . Если, конечно, они узнают как всё произошло? Когда и в какой форме зададут – не знаю. Может быть, это произойдёт за столом офицерской пирушки, или тебя пригласят в какой-либо кабинет? Ведь надо будет ответить. Как так, тридцать подготовленных, опытных солдат, были в несколько минут уничтожены русскими артиллеристами только одной батарее? Как ты утверждаешь. Солдатами, даже не предназначенными для рукопашного боя. . . . Вооружённые этими длинными, неуклюжими винтовками. Уничтожить немецких солдат, через двадцать минут развернуться и остановить целый полк. А ведь у нас, Курт, убит двадцать один солдат и два офицера. Тридцать один ранен. Один танк, БТР и два грузовика восстановлению не подлежат. Другой танк требует длительного ремонта. А ведь это без твоих погибших. . . .

– Господин полковник, разрешите доложить, – Зейдель попытался прервать командира, но Хофманн взмахом руки остановил его.

– Курт, не надо ничего сейчас объяснять. Ты мне потом доложишь, когда всё это утрясётся, когда ты в последующих боях, в том числе и в завтрашнем покажешь, что происшедшее нелепая случайность. Что ты выше и лучше этого подготовленного майора, который так много принёс нам неприятностей. А так хочу тебе дать один совет. То что ты рассказал мне – забудь. В ходе разведки ты столкнулся с превосходящими силами противника. . . Допустим стрелковый батальон русских. Да, стрелковый батальон. Поверь, так будет лучше всем: мне, тебе, полку, который уверен, что мы наткнулись на подготовленные позиции.

Пару минут они молча шли вдоль леса. Полковник, углубившись в себя, о чём-то размышлял, а Зейдель ждал, когда командир полка всё-таки озвучит своё решение по нему. И был очень поражён тому, что услышал дальше.

– Скажу тебе больше: в том, что произошло с тобой и погибли солдаты, есть и моя вина. Да, да, мой мальчик. Старые и мудрые полковники тоже могут ошибаться. Я увлёкся. Не остановился вовремя. Французская, польская кампания, блестящие первые дни русской кампании притупили нюх у старого волка. Скажу тебе правду: задача сегодняшнего дня в десяти километрах западней этого места. А переправу мы должны взять завтра к обеду.

– Но ведь русские взорвут переправу к нашему подходу. А так и переправу захватить и остатки русских частей раздавить у реки.

– Ну и что? – Легко отпарировал командир полка, беззаботно добавив, – пусть взрывают. Сзади нас идёт сапёрный батальон и его командир пообещал, что он восстановит переправу за шесть часов. В крайнем случае, в течение дня. . .

Полковник замолчал, но увидев удивление в глазах подчинённого, продолжил: – Курт, я как командир полка знаю гораздо больше чем ты, командир роты. Дела у нас идут блестяще. Мы опережаем график продвижения вперёд на два дня. Поэтому один день больше, один день меньше на нашем продвижении не скажется. Тем более, что главное направление нашего наступления проходит вдоль Минского шоссе на Москву, а мы так: прикрываем правый фланг. . . .

Хочу сказать ещё больше: перед тем как послать тебя, командир дивизии довёл до меня следующую информацию. На основном направлении мы глубоко вклинились в оборону русских и чтобы не попасть в окружении, советы вынуждены сегодня ночью уйти от переправы. Так что вот такая общая ситуация.

И вот я – старый, битый волк потерял выдержку, поддавшись общему воодушевлению, решил тоже вспомнить молодость и немного полихачить. Так я и послал тебя на переправу. И то, что случилось с тобой – это моя божья кара за самонадеянность. Так что, Курт, прости меня. И как ты думаешь – Завтра твой сумасшедший майор будет обороняться или уйдёт?

– Господин полковник, – горячо заговорил Зейдель, – вы ни в чём не виноваты. Это я потерял бдительность и не выполнил ваш приказ. А если майор не уйдёт, то завтра принесу вам его голову. . . .

– Ну, ну... Курт, не надо так горячиться и уподобляться этим варварам. Завтра берёшь остальных своих солдат, на мотоциклы и за танками. Я верю, что ты сумеешь завтра переиграть своего майора. Ну, а если ты его завтра приведёшь ко мне живым, я готов всё предать забвению...

Это было вчера, а сейчас этот русский майор длинными очередями добивал последних подчинённых обер-лейтенанта и он, Зейдель, ничего не мог поделать. Не было бы раны – можно было вскакивать, подавать команды, перебегать с места на место, всё ближе и ближе приближаясь к своему смертному врагу и уничтожить его. Плевать на всё, на цивилизованность, на сотни лет европейской культуры. ПЛЕВАТЬ.... Отрезать голову и принести её уважаемому полковнику и командиру.

И Зейдель, собрав все свои силы, вскочил с земли, непрерывно двигаясь, дал несколько очередей, упал, перекатился, не замечая боли, вскочил и снова вперёд. Пули жужжали над ним, вокруг него, кругом слышались крики поражаемых пулями солдат, поднявшихся за своим командиром, но ничего уже не могло остановить обер-лейтенанта жаждущего мести. Тем более что он уже видел лицо майора, лежащего за пулемётом и русского унтер-офицера рядом с ним. Осталось двадцать, пятнадцать, десять метров....

Зейдель застонал, перекатился на раненый бок, ещё сильнее задвигал ногами, подымая столбики пыли и не понимая, что в атаку он идёт в горячечном бреду, в который провалился из-за большой кровопотери. Но он продолжал бежать вперёд, рваться к этому ненавистному русскому и наконец – то потерял сознание, избавив себя от дальнейших терзаний.

* * *

Очнулся я как-то сразу и, открыв глаза, вскинулся на мгновение, но от сильной слабости, тупой боли в голове и головокружения опять завалился на спину.

– Ну, ну, товарищ майор, не надо так резко. Спокойнее..., – послышался голос Увинария и он тут же появился в зоне видимости. Рядом с ним показалась голова Петьки, из-за него высунулась без такой привычной фуражки голова старшины. Облегчённо вздохнув, я снова потерял сознание.

Очнувшись второй раз, чувствовал себя гораздо лучше, открыл глаза и, повернув голову набок осмотрелся. Небольшая, закрытая со всех сторон густым и высоким кустарником полянка, где вповалку спали мои подчинённые и двое незнакомых мне бойцов. Бодрствовал лишь Белкин, который с автоматом в руках медленно двигался по периметру полянки, прислушиваясь к гулу техники, доносившийся издалека от дороги.

Медленно приподнялся, сел, потом тихо, с еле слышным кряхтеньем встал, боясь всплеска боли и опасаясь предательской слабости, но обошлось. Я стоял, целый и невредимый лишь тупо болела вся голова. Поднял руки и ощупал её, здесь была только большая шишка на темени – она то и болела, но крови не было.

Ко мне подскочил озабоченный Белкин: – Товарищ майор, нормально вы?

– Нормально, нормально... Долго..., я валялся?

– Да нет. Правда, первый раз часа четыре, а когда второй раз вырубилесь – то часа на два...

Услышав наши голоса, зашевелились остальные и через минуту все сидели вокруг меня, за исключением Белкина, который продолжал наблюдать за окружающей обстановкой.

– Что хоть со мной произошло? – Я снова осторожно пощупал шишку на голове и повернулся к сержанту.

– Мина, товарищ майор... Мина разорвалась на верхушке дерева и вам на голову упал вот такой здоровенный сук и вы мигом отрубилесь. Я за пулемёт, а немцы лезут и лезут, а тут лента, зараза, кончилась. Хватаю вас и потащил. Сам вроде бы не хлипкий, а тяжело... не успеваю. Залёг, и с автомата давай поливать. Думал всё. Ну..., немцы вот они.... А тут из кустов выскакивает Петька с пулемётом и с Николаем, – Увинарий кивнул головой на Белкина, – а с

ними ещё два бойца, вон тех. Петька сразу с руки стрелять начал и его от отдачи как начало мотылять по кустам...

Увинарий рассмеялся, а с ним засмеялись остальные, лишь Петька смущённо пояснил: – Да меня совсем немного потаскало, а потом приноровился и ничего....

Посмеявшись ещё немного, Увинарий закончил: – Ну, тут и всё... Петька с пулемётом, Белкин и бойцы тоже лупят, я хватаю вас и в лес. Немцы так, немного ещё постреляли, но в глубь не пошли. А мы отошли в лес метров на пятьсот и вот на этой полянке вас и положили. Белкин сгонял к машинам и привёл старшину и одного водителя. Вот, ждём когда очнётесь.

Ещё раз осторожно потрогал шишку и посмотрел на пальцы – крови нет. Хорошо. Попробовал надеть, лежащую рядом фуражку, но она больно давила на шишку и я снова положил её на траву.

– Да..., товарищ майор, вот этих двух бойцов командир дивизии прислал, – два молодых красноармейца, которых посчитал за батарейных, резво вскочили на ноги, но я махнул рукой и они присели на корточки напротив.

– Мы сапёры и обслуживаем переправу. Нашего капитана командир дивизии вызвал, а он потом нас. Сказал, что к вам нужно послать двух толковых бойцов. Вот на нас и пал выбор.

– Ну и что? Что передать просили?

– Аааа..., да... Капитан просил передать от командира дивизии, что переправу взорвут гораздо раньше. Пришёл приказ отступить на другой рубеж. Мы должны две лодки спрятать, пробраться к вам и отвести, кто останется, к лодкам, чтобы вы спокойно переправились через реку. Мы сначала лодки отогнали от переправы и спрятали, а потом к вам пошли и на танки немецкие наткнулись. Прыгнули в кусты, а там ваши. Вот так и скорешились. Да, капитан просил ещё передать, что пункт сбора для вас деревня Грушино.

– Хорошо, хорошо, – мой взгляд остановился на старшине, – Старшина, как тебя зовут? А то всё старшина, да старшина.

Старшина солидно прокашлялся: – Николай Иванович.

– Отлично. Ну а меня, Алексей Денисович. Так слушайте первый приказ. С этой минуты, до особого распоряжения Николай Иванович мой заместитель. Что у нас с остальными?

Николай Иванович горестно мотнул головой на Петьку: – Вы пока без сознания были, Петька и Белкин смотались на дорогу. На разведку. Улучили момент между машинами и выскочили к нашим. Дальше пусть он и рассказывает.

Петька до этого сидел, сложив ноги по-узбекски, но тут привстал и стал на колени: – Все убиты, товарищ майор. А кто ранен был, их немцы добились сразу. Успел только у командира батареи, да у ихнего командира взвода удостоверения забрать, да у комбата планшетку. Немцы её видать не заметили, под ним она была. Колька кой-какие документы у бойцов успел собрать, а тут опять колонна пошла и мы смотались. Командира батареи осколком убило. Во..., с ладонь. И попало прямо туда, куда ему немец саданул. Ни вправо, ни влево, а именно туда. Как всё равно немец своим ударом пометил место.

Петька из-за спины вытащил полевую сумку и положил передо мной. Сверху легли, запачканные кровью, документы комбата и взводного.

– Значит, нас осталось..., – я обвёл глазами всех присутствующих, – восемь человек?

– Нет, товарищ майор. Девять. Ещё один водитель на охране двух машин. Тут метров восемьсот. Я когда уходил сюда, одного оставил, чтобы он со стороны... Немцы, конечно, не полезут в лес глубоко, но так, на всякий пожарный случай чтобы поглядывал.

– У..., у нас и машины ещё есть. Отлично. Давай Николай Иванович, докладывай – что там у нас? Как бухгалтера говорят – дебет с кредитом.

– Да так-то нормально. Из оружия один пулемёт, к нему две коробки с лентами, семь немецких автоматов, но патронов мало. Если поровну распределить, то по два рожка. Винтовок двадцать восемь единиц. Их я после рукопашки, от убитых и раненых в машину сложил. Гра-

нат семь штук – лимонки. Немецких восемнадцать, но как ими пользоваться никто не знает. Может, вы знаете?

– Нет. К сожалению не знаю. Вроде бы там колпачок есть и его откручивать надо.... Ладно, потом разберёмся. Давай дальше.

– Два карабина сапёров и ваш ТТ. Да вот от меня вам подарок. У немецкого офицера забрал. – Николай Иванович достал из вещмешка немецкий пистолет и протянул мне. Это был офицерский парабеллум «Вальтер». Красивая, военная игрушка и я с удовольствием крутил её в руках. Умеют немцы делать, – ну надо ж и номер интересный KZ 44412. Три четвёрки... если их перемножить то двенадцать получается. Хорошо запоминается. Я номер своего ТТ до сих пор запомнить не могу. –А патроны?

– Две обоймы... к сожалению

– Ладно, продолжай, что там у нас?

– С продовольствием у нас порядок. Суток на семь хватит. Тут и немецкой еды и нашей. Наша на машине загружена.

– Вот с неё мы и начнём. Давай организуй что-нибудь покушать. Кушаем и двигаем к лодкам.

Пока водитель со старшиной ходили к машине за едой. Пока накрывали общий стол на плащ палатке. Я встал и немного походил по полянке, прислушиваясь к своим ощущениям, и остался доволен. Шишка на голове конечно болела, временами накатывала тошнота, но в целом чувствовал себя нормально и мог идти, а если и придётся то и бежать. Потом присел на пенёк и достал ТТ. В обойме было только три патроны. Жалко. Взял свой автомат, разобрал его и тщательно прочистил, смазал, с удовольствием подвигал затвором, слушая, как хорошо работает немецкая машинка. Взял полевую сумку комбата и открыл её. Новенькая, чистенькая карта – Не успел комбат ею воспользоваться. Вот деревня Грушино. Вот река и переправа, а вот поле и дамба через болото. А мы примерно вот здесь. Карандаши, линейка, циркуль. Толстая тетрадь с артиллерийскими расчётами. Накладные. Список батареи. Конверт, из которого достал несколько фотографий. Миловидная, молодая женщина лет тридцати. Наверно жена, так как на второй фотографии они уже вместе и между ними белобрысый парнишка в тубетейке. Ещё пару фотографий из семейной, счастливой жизни. Глядя на семейные фото убитого комбата, мне стало жалко и молодую женщину и её сына, которые ещё не знают, какая беда пришла в их семью. Впрочем, эта беда за эти пять дней постучалась во многие семьи. Ещё несколько дней тому назад наша дивизия была полнокровным соединением. А сегодня по численности и на полк не наберётся. Так что беда не только к ней придёт. Она затронет всех.

Складывая фотографии в конверт, в очередной раз с облечением подумал: – Правильно сделал, что наплевал на всё, но вовремя отправил свою семью на Урал. Теперь спокойно можно воевать.

Дивизия, с октября тридцать девятого года, стояла под Гродно в пятидесяти километрах от границы. В конце апреля, среди местного населения, поползли уверенные слухи о скором нападении немцев на Советский Союз. То, что немецкие части располагались на той стороне, секрета никакого не было. И в газетах, по радио, в разъяснениях сверху, в политинформациях доводилось до всего личного состава и членов семей, что немецкие части в Польше находятся на отдыхе. Что у нас с Германией договор. А слухи о нападении распускают провокаторы. И я тоже ходил по подразделениям и растолковывал бойцам о провокаторской деятельности. Хотя как кадровый офицер, прекрасно понимал нелепость наших усилий. Какой отдых? Отчего? И почему вдоль нашей границы вдруг решили отдыхать все: воздушные армии, танковые корпуса, пехота и артиллерия? Что за бред? Но молчал, не делаясь ни с кем своими сомнениями. Как молчали и другие, боясь попасть в число паникёров и трусов, с которыми разговор в такой напряжённый момент был короткий.

В мае, дабы не усиливать слухи о войне, запретили комсоставу отправлять свои семьи на летний отдых на восток. Но в тоже время, чтобы показать свою лояльность Германии, отпуска не отменили. У меня по графику отпуск должен был быть под Новый год, но сумел договориться с товарищем, с командованием и вместо него в первых числах мая поехал с семьёй в отпуск. В этот раз мы поехали к родителям жены на север Свердловской области. Отгуляв положенные тридцать суток, я оставил семью у её родителей, и 10 июня прибыл в часть. Месяц отпуска провёл от души, полностью отключившись от служебных проблем и тревог, поэтому прибыв к месту службы, поразился, как за месяц изменилась обстановка. Всё вроде бы как обычно: занятия, совещания, решение служебных вопросов, вечером посиделки с товарищами за кружкой пива или чего покрепче. Но тревога стала более ощутима. Если у нас военных она сдерживалась и была спрятана внутри каждого, то местное население откровенно бежало на восток, подальше от границы. Штурмом брали билетные кассы, уезжали и ничего с этим нельзя было поделать. Увеличилось число провокаций со стороны немцев на границе, я уже не говорю про немецкие самолёты, которые стали ежедневно «блудить» и залетать на нашу территорию. Их садили на наши аэродромы, кормили и с почётом отправляли обратно.

По приезду получил жестокую выволочку от политотдела, за то что приехал без семьи и всё моё убедительное враньё, медицинские справки, купленные за бутылку водки о том, что жена больна, не возымели действия и на ближайшем партийном собрании должны были рассмотреть моё дело, что меня здорово тревожило. Испортились у меня отношения и с товарищем, с которым поменялся отпусками. Он жалел, что согласился и считал, что я его нагло обманул. Он тоже хотел вывезти семью.

Но началась война и всё стало на свои места. Погиб в бомбёжку начальник политотдела, который обещал меня исключить из партии. Товарищ, плюнув на последствия своего проступка, и двадцатого числа, с трудом достав через военного коменданта билеты, всё таки отправил свою семью, а вечером заявился ко мне на квартиру. Знатно мы тогда с ним нарезались. Правда, он тоже погиб два дня тому назад. Нарвался на немецких парашютистов.

Всё это промелькнуло перед моим внутренним взором, пока укладывал фотографии в конверт. Достал список батареи: – Посмотрим. Командир батареи. Капитан Сухомлинов Григорий Иванович, 1907 года рождения. Город Тула. Жалко комбата. А что старшина? Старшина сверхсрочной службы Сергушин Николай Иванович. 1897 года рождения. Оооо, да он местный, это ведь недалеко отсюда. Надо будет поинтересоваться.

Судя по тому, как старшина накрыл едой плащ-палатку, с ней у нас действительно всё было в порядке. Старшина поднял над пищей объёмистую ёмкость и многозначительно потряс ею, глядя на меня.

– Ладно, разрешаю по сто грамм. Мне тоже не помешает, а то голова пока не того.

После еды пока собирались, отвёл старшину в сторону: – Николай Иванович, я список батареи посмотрел. Ты что из этих мест?

– Ну, не совсем. Тут километров ещё сто пятьдесят надо идти. Может, удастся и повидаю своих стариков. Меня в пятнадцатом году забрали на германскую войну и с тех пор только урывками был у своих. Самое долгое время это в семнадцатом году: пришёл с войны и в мае восемнадцатого ушёл в Красную армию. Так в ней и остался. И жена у меня оттуда. Сейчас там с младшим сыном. Надеюсь, что до них не докатится. Я же осенью этого года должен на пенсию выходить и хотел там обосноваться. Дом новый срубить. От нашей деревни до районного центра четыре километра, там и работу собирался найти. Только вот война, по-моему на долго затянулась. Как минимум на полгода. Как бы голову где-нибудь не сложить.

– Ничего, Николай Иванович, сейчас зацепимся за хороший рубеж. Подойдут резервы. Недельки две, месяц, подготовка наступления и вперёд. Думаю как раз к твоей пенсии и выгоним немцев за границу. Вот только вопрос: до границы нашей мы их погоним или и в Польше

добивать будем врага. Максимум дня через три соединимся с нашими. Так что мы ещё поживём.

Около замаскированных машин, которые оставляли, мы собрались окончательно. Построились. Я ещё раз осмотрел маленький строй и остался доволен. Люди смотрели открыто и уверенно, ожидая дальнейших моих приказов.

И мы пошли. Впереди Петька, Белкин и оба сапёра. Одного звали Владимир Носков из Москвы, второй с Челябинской области Сергей Кравцов – парни вроде бы ничего, положиться на них можно. Один только факт, что они выполнили приказ своего командира роты: нашли нас и передали приказ, характеризует их крайне положительно. В пятидесяти метрах сзади остальные: я, старшина, Увинарий и два водителя. И если здоровяк Карапетян не вызывал каких-либо сомнений, то вот второй водитель Виктор Кузнецов, почему-то сразу не глянулся. Хотя каких-либо оснований к этому он мне не давал. Да и Николай Иванович характеризовал его в общем хорошо. Но всё равно душа не лежала к неуверенного вида парню. Мы шли параллельно дороге и постоянно слышали шум движущихся в восточном направлении машин и колонн. Через час хода, сапёры вывели нас к реке, как раз к лодкам. Но воспользоваться ими мы не успели, так как туда подъехало несколько грузовиков с пехотой и БТР. Весело выгрузившись, немцы выставили охрану, а остальные с криком, гамом разделись и полезли в реку купаться. Несколько солдат стали разводить костры и стало понятно – обосновались они тут надолго. Пришлось вести свою группу вдоль реки, лишь бы подальше от переправы, где в ожидание окончания работы сапёров скапливалось всё больше и больше частей и подразделений немцев, которые стали расползаться вдоль берега. Отойдя километров на пять от переправы, мы остановились в укромном уголку реки, закрытые со всех сторон густыми кустами. Река в этом месте была шириной метров 150. Течение спокойное, и до темноты, когда решили переправляться, оставалось часа три. Так что каких-либо проблем не видел. Но на всякий пожарный спросил – Плавать все умеют?

Вот тут-то возникли первые проблемы. Из девяти человек: пять, в том числе и я, были уверены, что запросто переплывут. Двое вообще не умели плавать, это второй водитель-армянин Карапетян. И что удивительно шустряк Белкин. Старшина и Увинарий неожиданно тоже выразили сомнение, что смогут доплыть даже до середины реки.

– Что ж, тогда Николай Иванович, ты старший. Идите вдоль реки и ищите брёвна, доски. Наверняка от взорванной переправы что-нибудь сюда приплыло. Постараемся плот построить, а ночью будем переправляться.

Прошло минут двадцать, мы только успели раздеться, чтобы помыться и постираться, как суматошно прибежал весь в крови Белкин.

– Товарищ майор, мы тут неожиданно на немцев наткнулись. Двух убили, а одного захватили в плен. Так неожиданно, что те даже огонь не успели открыть.

– Фу..., молодцы..., – перевёл я дух и тут же поспешно спросил, кивая головой на кровь, – У нас то всё нормально?

– Нет, Карапетяна немец успел ударить ножом в живот. Наверно умрёт... большая рана. А остальные ничего, старшине только зуб выбили.

– Ты то сам в порядке?

– Да это немецкая кровь, не моя.

Мы быстро оделись, схватили оружие, имущество и побежали за солдатом. Карапетян уже умер. А на песке маленького и уютного пляжика всё было истоптано, валялись убитые немцы, тут же связанный пленный, который извивался и мычал, заткнутым кляпом ртом. Чуть выше на бережку, стоял мотоцикл с коляской. В стороне кучкой громоздилось оружие и боеприпасы убитых немцев и пленного. Автомат, два карабина и опять пулемёт с пятью коробками с лентами. Лучше бы ещё два автомата были бы. Петька, конечно, молчал, но пулемёт

был изрядно тяжёл и пока мы шли до речки он с ним измаялся. Но и кидать его было жалко. Хорошая машинка.

– Как всё произошло, Николай Иванович?

– Честно говоря, даже и не ожидали встретиться с немцами. Далеко ведь от переправы. Те видать давно здесь расположились и еду на костре успели приготовить, поели, выпили и спали. Поэтому они нас и не слышали. Только в последний момент, когда мы вывалили сюда. Их трое, нас четверо. Они лежали, а мы уже рванули к ним. Двоих сразу завалили. Белкин одного рубанул сапёрной лопаткой в горло и его всего кровью обдало. Я с сержантом замолотили второго прикладами, а тот, – Старшина кивнул на пленного немца, который перестал мычать и теперь волчьим взглядом смотрел на меня, – лежал чуть дальше и успел вскочить с ножом и Карапетян просто напоролся на него. Навалились втроём и связали. Вот такие дела. И мне зуб выбил сволочь... и Карапетяна жалко. Хороший солдат был...

– Ладно, старшина, не расстраивайся. Это судьба – здесь его и похороним.

Мы подошли к костру, над которым висел небольшой котёл с крышкой и я поднял её: – О, неплохо пахнет. Мясное что-то готовили.

Взял ложку, лежащую рядом, обтёр её и попробовал пищу: – Неплохо, Николай Иванович, как раз ужин на остальных. Всем хватит.

Выставив на верх берега Петьку с пулемётом для наблюдения за местностью, мы вернулись к вопросу о переправе через реку. Через час нашли три небольших бревна, пару досок. Всё это связали между собой и получился неплохой плот, куда погрузили оружие и имущество. До темноты ещё успели постираться, помыться и похоронить Карапетяна, а с наступлением темноты, побросав лишнее оружие в воду и столкнув туда же мотоцикл, мы благополучно переправились.

Часть вторая

Глава первая

Курту повезло. Уже на следующий день к обеду, он был доставлен в только что развёрнутый госпиталь в Минске. Город был взят несколько дней тому назад и госпиталь расположился в старинном здании, с небольшим тенистым парком. В офицерской палате кроме Курта было ещё пять раненых. Раны у всех разные, но все были ходячими в той или иной степени. Майор танкист и лётчик с «Юнкерса» были ранены в ноги, каждый в разные, и передвигались с помощью костылей. Командир роты гауптман Хорс получил пулю в лёгкое и больше лежал, хотя тоже вставал и тихонько передвигался по палате или в туалет. А вот весельчак Краузе, тоже командир роты, посечённый мелкими осколками русской мины и раненый в руку, тот только не летал по госпиталю, крутя амуры разом чуть ли не с половиной медсестёр. Он был душой палаты и компании, которая сложилась сразу же. Даже угрюмый Цимерманн, командир артиллерийской батарее, оттаивал глядя на Краузе. Все, кроме Зейделя, играли в карты и всё свободное время между медицинскими процедурами проводили за игрой с бесконечной, весёлой пикировкой. У Краузе был высокопоставленный дядя-генерал, который души не чаял в своём племяннике и в Минске разворачивал работу своего управления СД. Приезжал, правда, он лишь один раз и тоже всем понравился своим добродушием и своеобразным солдатским юмором. Вслед за генералом, солдат затащил в палату большую плетёную корзину с красиво уложенными кругами колбасы, сыра, копчёностями и несколько бутылок хорошего вина. И теперь почти каждый день солдат-шофер после обеда доставлял, на зависть остальным палатам корзины с провизией. Что приятно разнообразило госпитальную пищу и времяпрепровождения.

По прибытию в госпиталь Зейдель от большой потери крови был в крайне болезненном состоянии, что ещё усугубляло и угнетённое психологическое состояние от его первой военной неудачи. Но, перезнакомившись со всеми однопалатниками и выслушав историю каждого ранения, Курт, как это не странно успокоился. Каждый получил свои ранения не просто в бою, а в ожесточённом бою с сопротивляющимися русскими. Они спокойно, не ощущая хотя бы капли своей вины, рассказывали и о гибели своих подчинённых, после чего обер-лейтенант задумался – Каждый в той или иной степени прошёл через то, что и Курт. Война есть война. На ней всегда кто-то погибает, а кому-то везёт больше. А тогда спрашивается – Чего я так комплекую? – И как-то сразу отбросил в сторону все свои переживания.

Оттого что Краузе и Зейдель были одногодками, обер-лейтенанты, командиры рот, оба были страстными спортсменами, сошлись они легко и непринуждённо. Когда Краузе был свободен от любовных походов и игры в карты, они с обоюдным удовольствием гуляли по парку, разговаривая на разные отвлечённые темы, не касающиеся войны.

Крепкие молодые организмы, хорошее питание, отдых способствовал быстрейшему заживлению ран, как физических так и душевных. И после очередного медицинского осмотра, доктор делая запись в медицинской карте, добродушно обронил: – Что ж, господин обер-лейтенант, через недельку будем вас выписывать и в полк. Наверно, соскучились по боевым товарищам?

Но как это ни странно, но Курт совершенно не хотел возвращаться в свой полк, да и в другой какой-либо тоже. И не из-за банального страха. Придётся ехать и Зейдель поедет и будет воевать. Воевать честно и добросовестно. Но этот странный русский майор, своим непонятным поступком, с безразличием отпустив Курта к своим, что-то надломил в правильной немецкой душе, немецкого парня.

Вечером, выпив бутылку вина, Курт и Краузе вышли в парк перекурить. Поболтав о том, о чём, Краузе сделал неожиданное предложение: – Курт, мне сегодня врач тоже, как и тебе, сказал о скорой выписке. Честно скажу, что не горю особым желанием возвращаться в часть. Ну..., просто не хочу. И поэтому заранее переговорил со своим дядей. Война через месяц, другой закончится разгромом русских и надо будет создавать администрацию и управлять всеми этими огромными пространствами. Дядя Вилли предложил мне должность начальника отдела СД в одном из городов. В каком, ещё пока не знаю. А если хочешь завтра, переговорю с ним и он и тебя тоже пристроит. Я его попрошу, чтобы он нас вместе послал. Вдвоём веселее служить, тем более что ты отлично знаешь русский язык. Не мешает и приглядеть себе землю для поместья, после войны. А то ведь пока воюешь, все лакомые кусочки можно профукать. Так что война войной, но о себе подумать нужно вовремя. Как тебе моё предложение?

Курт даже не сомневался, когда сразу и твёрдо ответил: – Я согласен.

А вечером следующего дня Краузе весело сообщил: – Зейдель с тебя хорошая выпивка. Дядя дал добро. Все необходимые распоряжения насчёт тебя он сделает. Так что о полку забудь. По выписке из госпиталя он ждёт нас обоих у себя.

Вся оставшееся неделя до выписки, прошла в весёлых хлопотах. Как-то сразу выяснилось, что ни у Краузе, ни у Курта не оказалось приличной формы. Да, каждому при эвакуации через медицинский пункт полка дальше в тыл, положили их личные вещи и кое какие документы. Но при близком разглядывании выяснилось, что для ведения боевых действий форма потянет, но вот для деятельности в новом качестве, для представления начальнику управления СД, она не годилась. И тут опять помог всемогущий генерал. Солдат-водитель, ежедневно поставляющий в палату провизию, деловито записал в записную книжку размеры, щёлкнул каблуками и на следующий день в палате два счастлиwickа, под завистливыми взглядами однопалатников и, заглядывающих через открытую дверь, из соседних палат, примеряли новенькую форму. Дядя прислал полных два комплекта формы на все случаи военной жизни и в записке извинился, что форма со склада, а не из пошивочной мастерской. Но два друга были счастливы и от такого щедрого дара. Но больше всего Курта беспокоил финансовый вопрос, от того что денег в кармане было катастрофически мало. А пирушку по поводу нового назначения нужно было проводить. Это было делом офицерской чести. Сам Краузе был из богатой, аристократической семьи и деньги у него водились всегда. А вот Зейдель из семьи рабочего. Правда, как отец гордо говорил он не просто рабочий и мастер, а он рабочая аристократия. Действительно, отец Курта был высококвалифицированным мастером на крупном заводе и даже во времена кризиса, когда многие рабочие семьи влачили нищее существование, семья Зейделя жила в достатке. Отец из-за этого никогда не поддерживал немецких коммунистов и с удовлетворением принял приход фюрера к власти. И впоследствии оказался горячим сторонником всех его планов и начинаний.

– Курт, ты хороший немецкий парень. И я воспитывал тебя не для работы на заводе, – говаривал частенько отец, размякнув от рюмки шнапса или кружки пива, – сейчас фюрер создал в стране такую власть, когда такие парни, из рабочих семей, смогут вырваться наверх. И тебе, сын, прямая дорога в офицерскую школу и в армии, делать свою карьеру. Только там ты достигнешь того, что не смогли сделать твои родители.

И Курт был благодарен своим родителям, которые откладывая каждый pfенниг, но поддерживали финансово своего сына при обучении в училище. Как бы там не говорил отец, но в офицерской школе большинство было из богатых и обеспеченных семей. А деньги, высылаемые отцом, давали возможность Курту быть на уровне, что впоследствии помогло попасть под нормальное распределение. Курт потом, с офицерского жалования, вернул родителям деньги. Но вот сейчас, положение было хреновое и это очень угнетало. Конечно, можно было занять деньги у того же Краузе и тот дал бы не задумываясь, но гордость не позволяла.

– А ладно, как это русские говорят – «Утро вечера мудренее...», – Курт махнул рукой на эту проблему. – Если ничего не получится с деньгами, займу у Дитриха...

Выписывали их в десять утра. Одетые в новенькую форму, выпив на прощание с остающимися бутылку вина, друзья вышли из госпиталя и сели в присланную дядей машину. Сначала их отвезли в офицерскую гостиницу, а оттуда в управление СД. И сразу же проводили в кабинет генерала, где их радушно встретил Краузе-старший, который сразу же заботливо захлопотал вокруг любимого племянника и его товарища.

– Господа офицеры, прошу вас сюда. На маленький фуршетик по поводу вашего выздоровления. – В уютном углу обширного кабинета, на маленьком столике стояла бутылка коньяка. На тарелочках, нарезанными тоненькими ломтиками, лежала колбаса, розовое русское сало с коричневыми прослойками мяса, лимон.

– Прошу, – генерал сам разлил коньяк по маленьким рюмкам и они выпили за благополучное выздоровление.

Потом выпили ещё, Краузе-старший, расчувствовавшись, обнял племянника и, взъерошив ему волосы, обратился к Зейделю.

– Курт, это мой самый любимый племянник. Надежда нашего рода. В нашем роду раньше все по мужской линии были военными. Да вот незадача, у меня одни дочери, а мой брат гражданский – врач. А из его троих сыновей только Дитрих стал офицером. Он должен, когда я уйду в отставку, перехватить эстафету. И я, фон Краузе Вилли..., сделаю для него всё. Давайте ещё по одной и за дело.

Через пять минут, удобно расположившись в кожаных креслах, генерал стал их вводить в ситуацию.

– Русские практически разгромлены и откатываются всё глубже и глубже в Россию. Ещё месяц, два и всё. Конец войне. И вот этой территорией надо руководить. Качать оттуда ресурсы, продовольствие: то есть всё необходимое для великой Германии и для доблестного вермахта. И это наша задача, в том числе и ваша. Там, на месте, куда скоро выедете, вы должны развернуть администрацию, полицию из местных и бороться с теми, кто будет нам мешать. Это общая задача. Неделю назад нашей армией от большевиков был освобождён районный центр Дубровка. Небольшой городок в двухсот пятидесяти километрах от Минска. Войска пошли дальше, а в Дубровке остались офицеры, которые и стали выполнять те задачи, которые только что озвучил. Но вот беда. В одной из поездок они наткнулись на группу русских окруженцев и погибли. И вот вместо них туда и едете. Ты Дитрих возглавишь местное СД. Я дал распоряжение и вас усилят ещё одним взводом. А ты, Курт будешь военным комендантом, подберёшь людей из надёжных местных на руководящие должности и развернёшь полицию и будешь курировать их работу. Ну, на сегодня всё. Сегодня отдохайте, а завтра в 9:00 жду вас и представлю вашему начальству, которое и поставит конкретные задачи и более обстоятельно введут в курс дела.

Курт и Дитрих встали, щёлкнули каблуками и пошли к выходу. И уже у самых дверей их остановил голос генерала: – Да, совсем забыл. Зайдите к казначею управления и получите там жалование, как за прошедший месяц в части, так и за месяц вперёд, но уже в СД. С вашими командирами полков я всё решил.

Краузе-старший покровительственно засмеялся: – Я же обещал, что всё сделаю для вас....

Получив деньги и расписавшись в ведомости, Курт почувствовал себя совсем счастливым. Они вышли на обширное, каменное крыльцо управления, остановились, посмотрели друг на друга и рассмеялись беспечным смехом, на какой способны только молодые люди. А что не смеяться? Великая Германия и тут вышла победителем в схватке с русским колосом на глиняных ногах. И тут тоже оказался прав фюрер. Впереди новые возможности, новые впечатления, новая жизнь.

Для начала они зашли в офицерский клуб, прекрасно поели, выпили отчего пришли в ещё более отличное настроение. Прямо из клуба Дитрих связался с госпиталем и договорился со знакомыми медсёстрами насчёт вечера, а Курт на вечер заказал столик и всё остальное, чтобы его отлично провести.

И вечер удался на славу, да и ночь тоже. В шесть утра медсёстры Хельга и Марта убежали в госпиталь, который был недалеко, а спустя тридцать минут вскочили Курт с Дитрихом, быстро привели себя в порядок. Позавтракали и в девять часов докладывали адъютанту генерала, который представил их новому начальству. Дальше время понеслось совсем вскачь. Они прочитали все инструкции и приказы по формированию вспомогательных структур и полиции. Досконально изучили по этому поводу документ изданный главнокомандующим сухопутными войсками фон Браухича от 3 апреля 1941 года и буквально свежее административное распоряжение командующего тылом группы армий «Центр» фон Шенкендорфа о первоочередных задачах военных комендантов по созданию органов местного управления и полиции порядка. Их инструктировали, они опять читали приказы вышестоящих инстанций, опять инструктировали и вводили в местные условия работы. Возили на допросы арестованных местных коммунистов....

В такой суматохе незаметно пролетели отведённые три дня. А в последний вечер, когда они сидели в офицерском клубе, их посетил генерал Краузе.

– Дядя, откуда ты знал, что мы здесь? – Обрадованный Дитрих вскочил из-за стола.

– Эге-ге, племянничек... Забываешь, где я служу. Что ж ты думал, я без присмотра вас оставил? – Добродушно посмеивался старший родственник.

Вечер прошёл в доброжелательной, семейной обстановке. А когда генерал уходил, сказал: – Дитрих, Курт, вы завтра, прежде чем уезжать, ко мне загляните. У меня для вас есть сюрприз.

Да, это был действительно приятный сюрприз. Конечно, он предназначался для Дитриха, но и Курту тоже было приятно.

Перед крыльцом управления стоял зелёного цвета Опель: – Дитрих, мальчик мой, хоть и не по чину, но прими в служебное пользование. Он закреплён за тобой. Ну, а для тебя Курт, из Борисова пригонят Kubelwagen. Там знают. В добрый путь.

Глава вторая

Как бы не спешили, но опоздали и в деревне частей дивизии уже не было. Не было и немцев. Только с ближней окраины доносился неясный гул людских голосов. На него мы и направились узкими и кривыми улочками. Группа вооружённых людей, внезапно появившись из проулка, изрядно напугала толпу деревенских жителей, активно делившая колхозное добро. Толпа из многочисленных баб и небольшого количества мужиков вполне ещё воинского призыва замерла, сжалась и застыла в страхе, не ожидая для себя ничего хорошего, особенно мужики.

– Кто старший? – Крикнул решительно в толпу и людское скопище зашевелилось, неразборчиво загудело и через некоторое время выпнула вперёд плюгавенького дедка в замасленном солдатском бушлате. Типа: ты старый и тебе всё равно помирать.

Но дедок не испугался, а хитро прищурившись и слегка наклонив голову в старом треухе в сторону, заговорил, зачастил деревенским говорком: – Сынки, чёй то я не разбираю – чи вы наши, чи ни наши? Одежа на вас русская, а оружия не русская. А старшим я буду, раз мир меня избрал.

– Свои, свои отец. А оружие у немцев добыли. Вы то что тут делаете? И где наши войска?

– Хороши вояки, раз у германца оружие отобрали. Чего ж вы народ без защиты кидаете?

– Сил у него пока больше чем у нас. Наши-то где, отец?

– Наши, ваши. А мы что не ваши? – С обидой вскричал дедок и обернулся к возмущённо заворчавшей толпе, – А ваши вчерась прикатали тысячи. Мы уж думали, что бой в чистом поле дадут врагу. Защитят крестьянство. А они даже не остановились, так и прокатились через деревню... Бросили нас...

Дедок на секунду пригорюнился, а потом встрепенулся: – Да ты сынок нас не суди. Вот народное добро по дворам разбираем, чтобы супротивнику не досталось....

– Немцев то не боитесь?

– Как не боимся – боимся. Одна на бога надежа, – дед, потеряв к нам интерес, повернулся к толпе и разрешающе махнул рукой. Толпа вновь активно зашевелилась, загудела и вернулась к такому увлекательному действию, как делёжка колхозного добра.

Я дал своему отряду добро на привал и бойцы сразу же растянулись в тени ближайшего сарая, а одному из сапёров приказал залезть на крышу и наблюдать за окрестностями, а сам пошёл к амбарам поглядеть, что ж там такое азартно делят? Судя по добротным постройкам колхозного двора, по хорошей одежке женщин и детей, которых было большинство в толпе – колхоз был зажиточный. Мелькали среди них и мужики призывного возраста, но они старались держаться поодаль от военных и только наше присутствие сдерживало их от применения силы. Не приди мы вовремя, наверняка лучшее ушло на их дворы.

Послonyaвшись по тёмным амбарам и по колхозному двору, я вернулся к своим. Около них уже стояло несколько крынок с холодным молоком, на чистом полотенце лежали пара ковриг хлеба и толстые ломти сала с прилипшими к ним крупными, желтоватыми кристаллами соли. Зелёный лук, пупырчатые огурцы, а знакомый дед деловито расставлял кружки. Тут же, в тенёчке, стояла четвертная бутылка с мутновато-белым самогоном.

Все уже сидели вокруг импровизированного стола и ждали только меня и моей отмашки. Лишь сапёр, сидя на крыше, с завистью иной раз поглядывал в нашу сторону.

– Бравые вы хлопцы, раз столько оружия у германца забрали. Грех вас не угостить. Садись старшой.

– Не боишься отец, что пока с нами пьёшь, всё разделят и тебе не достанется?

Дедок дробно захихикал: – Эээ, сынок, там моя старуха ещё шустрей чем я... Она очи кому хочешь выцарапает, если не по ней. А нам с ней много и не надо.

Мы выпили, закусили, с удовольствием макая хлеб в соль и запивая холодным молоком, а когда дед решил налить ещё по одной, я решительно закрыл ладонью кружку: – Всё, отец, хватит. Мы ещё тут минут двадцать и пойдём своих догонять. А вы заканчивайте быстрее делёжку и по домам. Не дай бог немцы вас тут застанут.

– Да, да, сынки. Я ещё одну пропущу и пойду. А вы её проклятую заберите, у меня ещё есть, – дед намахнул ещё одну кружку крепкого самогона и, загребая ногами пыль, засеменял в сторону амбара, откуда послышались его бойкие команды.

– Николай Иванович, оприходуй самогонку про запас. Через двадцать минут выходим.

Мы уже были на опушке леса, когда послышалась быстро приближающаяся трескотня мотоциклов на той стороне деревни. Несколько автоматных очередей, отдалённые крики. И гул танковых моторов, грузовиков наплывающий на деревню.

Двигаясь, по возможности скорым шагом, мы надеялись всё-таки догнать своих. Но ни в первый день, ни на второй мы так и не сумели соединиться. Если в первый день иногда вдалеке ещё была слышна пулемётная стрельба, то на второй день только орудийная. А на третий не было слышно и пушечной стрельбы.

Утром, третьего дня, наконец-то взмолился Петька: – Товарищ майор, заколебал меня пулемёт фрицевский. Тяжёлый, неудобный. Давайте кинем его. У нас же автоматы есть...

Все рассмеялись над горестным воплем Петьки, но в целом были согласны с ним и сочувствовали ему и Белкину, который добросовестно пёр обе коробки с лентами.

Посмеялся и я, но предложил другой вариант: – Чего кидать? Машинка хорошая и её надо использовать по максимуму. Поэтому: устраиваем на дороге засаду и дождёмся одиночной машины. А там обе ленты в упор и не жалея. Заодно надо разжиться патронами к автоматам. Да и чего мы зря идём? Надо щипать их понемногу. Заодно и гранаты немецкие покидаем, посмотрим каковы они в деле.

Место для засады выбрали удобное. Щебёночная дорога проходила по лесу и, переваливала через небольшую, заросшую лесом возвышенность, да ещё и в рукотворной глубокой выемке длиной метров двести, обрамляемой с обеих сторон довольно крутыми обрывами в метров пять-семь. Петька с Белкиным и Увинарием засели на верху обрыва с одной стороны, а я с остальными с другой. Замысел был следующий. Поджидаем одиночную машину. Петька в упор расстреливает её с пулемёта, а Увинарий закидывает гранатами. Всех кто уцелеет и попытаются прикрыться автомобилем, уничтожаем мы. Пять минут обшариваем машину и уходим.

Ждать пришлось долго. Сначала прошли две колонны по четыре и пять машин – много и нам не по зубам. Пропустили. Потом проехали два мотоциклиста. Связываться не стали – надоели они нам. Неторопливо и нудно тянулся обоз из двадцати фур и подвод, которые сопровождали лишь пожилые возницы с винтовками. И вот, когда терпение было на исходе, появилась нормальная цель: грузовик набитый солдатами, а впереди открытая легковая машина с двумя офицерами. Удобно расположившись на заднем сиденье, офицеры беззаботно курили, даже не подозревая об опасности. Хреново было только одно, грузовик отстал от легковушки, чтобы сидящие в кузове солдаты не глотали пыль от впереди идущей машины.

Решение созрело мгновенно: – Николай Иванович, с сапёрами остаётесь здесь. Помогаете Петьке, а я с Кузнецовым постараюсь взять легковушку, – Толкнул в бок водителя, вскочил и побежал вдоль дороги по верху.

Мы бежали по гребню выемки почти не скрываясь, а немцы, уверенные в разгроме русских, даже и подумать не могли, что на них, на такую силу, может кто-то покушаться.

Первая, патронов в тридцать, пулемётная очередь прозвучала всё-таки рано. А мы с Кузнецовым не успевали за легковушкой и до неё ещё было метров восемьдесят. Потом за спиной очереди слились почти в непрерывную стрекотню пулемёта. Забухали гранаты, а легковушка резко остановилась и офицеры, оглянувшись с заднего сиденья, изумлённо смотрели на пыльные разрывы гранат вокруг грузовика и выпрыгивающих из кузова уцелевших солдат. Этих

нескольких секунд хватило, чтобы сократить расстояние до цели и, вскинув автомат, не скрываясь, открыл огонь по офицерам.

– Кузнецов, кидай гранату... докинешь, – успел проорать я и ринулся с откоса на дорогу, готовясь парой очередей уничтожить врагов.

Немцы мигом опомнились, их водитель дал газу и легковушка, виляя из стороны в сторону, помчалась по дороге от меня. Я дал пару очередей наугад, но прикрывшись пыльным шлейфом машина скрылась за поворотом.

– Ты чего гранату не кидал? – Заорал, вскинув голову на вершину откоса, где столбом стоял Кузнецов.

– Да не успел я... Вот только кольцо сдёрнул, – и солдат показал зажатую в кулаке лимонку. Между тем бой около грузовика разгорался и грозил затянуться. Несколько немцев уцелело, заняли оборону за грузовиком и не жалея патронов прижали группу старшины к вершине откоса, не давая тому вести эффективно огонь. Петька со своей стороны непрерывно стрелял с пулемёта наугад, пытаясь пулями пробить машину насквозь и хоть как-то достать фашистов.

– Блядь, раз не жалеют патроны, значит кто-то на подходе..., – прокрутив в голове варианты, опять проорал наверх, – Кузнецов, беги к старшине и оттуда кинь в немцев гранату, а я отсюда постараюсь..., – успел только это прокричать солдату и тут же упал на щебенку, так как немцы, заметив меня, часть огня перенесли в мою сторону.

– Всё, если в течение двух минут ничего не изменится, надо выходить из боя. – На дороге в любую минуту могла появиться помощь немцам и нам тогда так просто не оторваться от них. Да два офицера с водителем вряд ли сбежали и теперь запросто могли ударить нам в спину.

Грохнул очередной разрыв гранаты, запущенный с позиции Петьки, и вздыбил столб светло-серой пыли. Воспользовавшись густой пылевой завесой, вскочил и помчался к обороняющимся по противоположной стороне дороги, прикрытый от немцев грузовиком. А, увидев мой манёвр, с откоса к грузовику скатились Белкин и Увинарий. Сержант слегка присел и метнул по полотну дороги гранату и та, скользнув под машиной, разорвалась прямо в гуще немцев. Что и предопределило исход схватки. Белкин и Увинарий с двух сторон обогнули дымившийся грузовик и с двух автоматов ударили по полу оглушённому взрывом противнику. А когда я подбежал, всё было закончено. Было пару раненых, но Увинарий короткими очередями добил их и сразу же стал снимать с убитых подсумки с рожками. С откоса соскочил старшина с сапёрами, а сзади них неуверенно шёл Кузнецов с так и не кинутой гранатой в руке.

– А мне что делать, товарищ майор? Потерял кольцо и ничего теперь не вставить...

Коротко матернувшись, я крикнул наверх: – Петька, сколько патронов осталось?

– Штук восемьдесят ещё есть... А что?

– Сиди там на верху и прикрывай нас. Легковушка сумела уйти. А ты Кузнецов так с гранатой пока ходи. Будем уходить – в грузовик кинешь.

Добыча была богатая: автоматы, патроны, гранаты, еда, медицинская сумка, мыло, туалетные принадлежности, носки и другая бытовая мелочь, из-за отсутствия которых уже ощущался определённый дискомфорт. Всё это споро затаривалось в удобные немецкие ранцы и полупустые вещмешки и через пять минут, закинув набитые мешки и ранцы на спину, мы начали карабкаться по откосу вверх, а Кузнецов с гранатой в руке остался на дороге, принаравливаясь к уничтожению грузовика. Вот тут то и проявили себя убежавшие немецкие офицеры, которые уже с бывших наших позиций, на противоположной стороне дороги, открыли огонь.

Тупой и сильный удар в спину, перехлестнув дыхание, швырнул меня на песок откоса.

– Товарищ майор..., – испуганный вскрик старшины заставил меня вскинуться и резанула острая мысль. – Неужели всё-таки ранили... Чёрт, не вовремя...

Сапёры подхватили меня под руки и потащили сквозь автоматный огонь наверх, а старшина с Увинарием стали что-то хватать с песка, в месте моего падения. Ноги плохо слушались,

а я ещё хотел повернуть голову на пронзительный, полный ужаса и боли крик Кузнецова, но не смог. Сзади грохнул взрыв и крик оборвался, а мы уже перевалили через гребень откоса, с которого Петька достреливал последние патроны ленты. Следом заскочили к нам Николай Иванович и Увинарий и сразу же залегли, открыв ответный огонь по позиции противника. Сапёры, не церемонясь, перевернули меня на живот и сдёрнули со спины немецкий ранец, наполненный консервами, рожками к автоматам и облегчённо засмеялись.

– Товарищ майор, да вы в рубашке родились... Вам в ранец на спине очередь попала и завязла в металлическом хламье. Не ранец, так вам звиздец бы был. Но плечо пробили...

Я перевернулся и сел на задницу и только сейчас почувствовал тупую боль в левом плече и горячую кровь в рукаве. Рукав ещё не промок от крови, но она уже залила запястье руки и та стала быстро неметь. Привстал и попытался выпрямиться, но тут же со стоном свалился на землю.

– Всё парни, уходим. Что там с Кузнецовым?

– Ранило и он гранату себе под ноги уронил. Короче насмерть...

– Помогите, уходим. Ну, их к чёрту этих офицеров....

Превозмогая боль, всё таки поднялся и, поддерживаемый с двух сторон, посеменил в глубь леса. И вовремя. Минут через пять на месте боя послышалась густая стрельба в нашу сторону и вокруг засвистели пули. Правда, основная часть их шла высоко над нами, так как тут шёл спуск в низину, где весело журчал ручей.

Здесь остановились на пару минут, быстро перетянули мне руку ремнём и пошли дальше. Отойдя от дороги километра три и найдя новый неширокий, но бойкий ручей, мы остановились на привал. Петька и Белкин, набрав запасных рожков к автоматам, сразу же ушли в сторону дороги, чтобы разобраться: двинулись немцы за нами, а если нет – то организовать охранение. А с меня стали осторожно снимать гимнастёрку. Пока шли, я немного разошёлся, но онемевшая от жгута рука беспокоила. Оказалось, что беспокоился зря. Пуля пронизала плечо, не повредив ничего серьёзно. Крови, конечно, вышло достаточно, но не катастрофично. Кстати оказалась и медицинская сумка. Рану обмыли, продезинфицировали, отчего я зашипел от боли сквозь плотно стиснутые зубы, а потом туго забинтовали. Спины не видел, но старшина озабоченно хмыкнул: – Один, сплошной синяк, Алексей Денисович. Как вы себя хоть чувствуете?

– Да так, лучше чем твой комбат, когда его в грудь саданули. Правда, болит вся спина, но терпимо. Думаю, что завтра всё проявится, если мне что-то отбило.... Николай Иванович, ты лучше с добычей разберись. А то утащили много, а что непонятно?

Прежде чем заняться добычей, Старшина налил самогона и протянул полную кружку: – Выпейте, вам как раненому, это сейчас необходимо.

Крепкий алкоголь мигом снял напряжение и я расслабился под горячими лучами солнца, наблюдая как старшина с бойцами потрошили вещмешки и ранцы, вяло размышляя, как бы постирать окровавленную гимнастёрку. И незаметно заснул.

Проснулся через пару часов и на удивление чувствуя себя более-менее нормально. Рядом со мной на ветке колыбалась выстиранная и сухая гимнастёрка. Все спали, рядом со мной спал Петька и Белкин. Не было только сапёров, которые наверняка стояли на охране. У ручья сидел Николай Иванович и, блаженно шурясь на солнце, курил.

Посмотрев на плечо, я осторожно приподнял руку, прислушиваясь к болевым ощущениям. Терпимо. Пошевелил более энергично – Эээ..., нет рано...

Потом осторожно встал на ноги медленно покрутил туловищем, потом плечами – Хм..., ничего. Вещмешок, конечно, не понесу. А так потянет. Болит спина, но тоже терпимо. Отошёл на несколько шагов в сторону и помочился на кусты, разглядывая мочу.

– Фу ты..., слава богу, в моче крови нет. Значит – живём...

Николай Иванович помог мне одеть гимнастёрку, а когда осторожно двигая левой рукой, затянулся ремнём портупей, то почувствовал себя почти нормально.

– Ну, как добыча?

– Если бы не погиб Кузнецов и вас не ранило, то можно было бы считать, что отличная. Теперь у всех автоматы. Патроны распределил поровну и их у нас по триста штук на каждого. А пока вы спали, сержант Дюшков провёл занятие по немецким гранатам...

– Не понял! А кто такой сержант Дюшков? – Я удивился.

– Да это ж Увинарий, товарищ майор...

– Тьфу, привык – всё Увинарий, да Увинарий... Хорошо, продолжай.

– Да и всё. Остальное, нужные мелочи и еда. Едой мы тоже на неделю обеспечены.

– Сколько хоть мы немцев убили? Считали?

– Нет, не считали, но немцев пятнадцать точно. Если учитывать, что у нас один убитый, а у них пятнадцать – это отлично. Хороший счёт.

– Я несколько по-другому считаю, Николай Иванович. Когда нас свели вместе, для выполнения задачи, нас было семьдесят два человека. Осталось семь. Вот теперь считай: двадцать семь убитых немцев в рукопашке. Потом, в течение боя вечером и утром мы убили, думаю, что мы убили не меньше – тоже двадцать семь фашистов. И сегодня пятнадцать. Всего шестьдесят девять солдат противника. Так вот пока мы не уничтожим сто сорок четыре немца – не успокоюсь. Вот почему я прошу считать.

Посоветовавшись, решили сегодня отдохнуть и завтра с утра продолжить движение.

* * *

Прошло восемь дней. За день мы проходили километров пятнадцать-двадцать, а то когда и меньше. Быстрее, к сожалению, не получалось. Если в лесу двигаться можно было относительно спокойно, так как немцы в основном придерживались больших дорог и рвались вперёд, оставляя позади себя не контролируемые ими огромные пространства. То вот большие колхозные поля приходилось обходить по периметру, чтобы посередине поля не стать хорошей мишенью. Всё-таки вероятность встречи с фашистами даже в глухих местах была довольно высока. Долго приходилось вылёживаться у дорог, выбирая момент, чтобы её спокойно пересечь в перерывах между колоннами. И один раз дождавшись, мы не спеша стали перебежать дорожное полотно, как неожиданно были обстреляны. Обошлось, никого не зацепило, но теперь мы были более осторожны. Деревни тоже старались обходить, но пару раз заходили. В основном это касалось продуктов питания. Консервы, которые мы взяли трофеями у немцев, старались не использовать и держали их в качестве НЗ. А деревенские жители в основном охотно делились с нами.

Я тоже восстановился после ранения. Вообще, на мне всё и раньше заживало быстро. Никогда не жаловался на свой организм и он опять не подвёл меня. Рана дней через пять затянулась и я перестал носить поддерживающую повязку. И в этот же день решил взять свою долю груза, но все горячо запротестовали.

– Товарищ майор, вы командир и должны двигаться налегке, – а когда раздевался на привале, что бы помыться, все удивлённо разглядывали мою спину, – ну, товарищ майор, такого синяка во всю спину никогда не видели... Все цвета радуги...

Два дня тому назад мы в очередной раз решили зайти в небольшую, лесную деревню, переночевать там и самое главное хорошо помыться и постираться. Долго наблюдали за деревней и я уже хотел послать на разведку двоих человек, как от крайней избы отъехала подвода и направилась в нашу сторону. Дождавшись, когда подвода с сидящим пожилым мужчиной, минует нас, мы вышли на дорогу и старшина негромко окликнул возчика.

Ещё крепкий мужчина, оглядел недоверчивым взглядом всю нашу группу. Потом взгляд несколько смягчился.

– Немцы в деревне есть?

– Нет... Были три дня тому назад и больше нет.

– Что они делали?

– Да так, ничего. Приехали, забрали пять свиней. Курей в половине деревни забрали. Местного дурачка нашего застрелили, да и уехали.

– Слушай, отец, нам бы в баньке помыться, постираться. Как, можно это организовать?

– Чего ж. Таких бравых вояк не грех помыть. У меня и помоешься.

Мужик, звали его Евсеём Михайловичем, тут же развернул лошадь и через десять минут мы оказались во дворе крепкого и добротного хозяйства. На неожиданное возвращение хозяйина из избы высыпало всё его семейство: жена, такая же крепкая и молчаливая женщина под стать хозяину. Четверо детей, две девочки прижались с двух сторон к матери и испуганно смотрели на толпу незнакомых военных уверенно вошедших во двор. Парень лет семнадцати сошёл с крыльца и принял у отца вожжи лошади и повёл её к конюшне. А второй парнишка лет одиннадцать сразу же подлетел к моим солдатам и по приказу отца повёл их в сарай. Я же, оглядевшись во дворе, вышел на улицу. Деревенька была небольшая, в одну улицу, где стояла десятки три изб и из-за изгородей, из ворот выглядывали любопытствующие женские и детские лица. Я вернулся обратно во двор.

– Евсей Михайлович, можешь подсказать место, где бы пост расположить, чтобы немцы неожиданно не нагрянули?

Мужчина ухмыльнулся: – А у меня, как немцы убрались, уже пару дней пост стоит. С утра и до вечера наши парнишки за дорогой следят с центральной усадьбы. Место есть, за пять километров видно, если что-то увидят, то меня вовремя предупредят и время будет, чтобы сховаться вам и нам скотину угнать в лес. Так что, командир, не беспокойся.

Я уважительно оглядел такого непростого, как оказывается мужика, но всё-таки мягко надавил: – Это хорошо, что ты пост организовал. Но, как говорить – доверяй, но проверяй. С твоими парнишками пусть и мой подежурит.

– Да, за ради бога. – Евсей обернулся и зычно позвал, – Санька, Санька, подь сюды...

Из дощатого сарая, где располагались мои подчинённые выскочил белообрый, босоногий мальчуган и подскочил к нам – Да, тятя...

– Сейчас солдат отведёшь за выгон, где Григорий и Сёмка сидят.

Отрядив с Санькой сапёров: Владимира и Сергея мы стали, под руководством хозяйина готовить баню. Натаскали воды, разожгли очаг и стали ждать, когда согреется вода, чтобы сначала постираться. Вернулся с поста Сергей и доложил: – Видно далеко и хорошо. Сама дорога не видна, но видно часть дороги в пяти километрах отсюда. Кусок, примерно с километр и если кто там поедет, видно сразу будет по пыли. Володя Носков там остался с пацанами. Я его смену после бани.

Остаток дня прошёл, как и запланировали. Постирали всё, что хотели и развесили на ограде. А когда поспела баня, долго и с наслаждением мылись, парились, обливались колодезной холодной водой и снова мылись. Даже на какое-то время совершенно забыли о войне. А когда чистые, умиротворённые, обмотанные постиранными полотенцами и увешанные оружием появились в сарае, то были приятно удивлены обилием сытной еды, выставленной на деревянном щите.

– Евсей Михайлович, конечно спасибо, но ведь мы так обожрём твою семью, – Я прошёл к импровизированному столу и поднял с земляного пола традиционную бутылку с самогоном, – а вот это совсем необязательно, всё-таки мы на войне.

Смущённый нашими словами, Евсей забрал из моих рук бутылку: – Не..., Алексей Денисыч, хоть ты и командир, но солдату особливо после бани это даже положено. А насчёт еды не беспокойся, если немцы не найдут и не отберут, то против прежних годков проживём мы сытно. Давай команду.

Мы сначала одели просохшее обмундирование, я убедился, что Носков сменён с поста, установил очередь смены и лишь после этого дал добро на трапезу. Разрешил выпить и бойцам,

но только грамм по сто. После бани, чистые, разморённые, сытые и слегка поддатые бойцы быстро сломались и попадали на душистое сено.

Евсей доброжелательно посмотрел на заснувших бойцов и, приподняв бутылку, спросил: – Хорошие у тебя бойцы. Давай, Денисыч ещё по одной.

– Ладно, давай. Только мне немного налей. Так, для компании. Как тут у вас происходило? Какое сейчас настроение? Как думаете жить дальше?

– Ну и вопросов ты мне накидал. Даже не знаю, с какого края отвечать, – Евсей выпил свою порцию и молча стал закусывать, я же только чуть пригубил и не стал настаивать на ответе. Что мог мне ответить этот деревенский мужик? Даже если он и умный и хозяйственный. Мы молчали.

Хозяин достал приличных размеров кисет, оттуда бумагу, аккуратно нарезанную квадратиками из газетных листов и неторопливо стал крутить толстую самокрутку.

– Ты, Денисыч, партийный? И наверно с городу?

– Да коммунист. А какая разница откуда я?

– Значит с городу.... – задумчиво произнёс Евсей и рассуждающее продолжил, – крестьянского труда значит не знаешь – вот что скажу тебе. И что партийный, вряд ли меня поймёшь, но всё равно.... Пошли, покурим, да побалакаем. Там я и отвечу тебе.

Мы вышли из сарая и уселись на толстое, отполированное многочисленными задницами деревенских бревно около ворот. Евсей Михайлович прикурил от моей трофейной зажигалки и с интересом покрутил её.

– Бери, дарю тебе.

– Что ж спасибо, в хозяйстве дюже хороша будет. Вот ты давеча спросил – Не объеदिшь ли ты с солдатами меня? Вот с этого и начну. До германской войны хозяйство у меня было справное: хороший конёк, две коровки, мелкая живность там.... Здоровый и крепкий был, охочий до труда. И жёнка мне попалась работающая. Так до войны и окрепли. А как ушёл воевать остались на хозяйстве жёнка и два малых сына. У меня же ещё два старших сына есть. Их забрали в армию на второй день по мобилизации и где они сейчас – не ведаю. Так вот вернулся и всё надо начинать сначала. Но осенью, когда большевики взяли власть, нам дали землю. Что-то прикупил, что-то достал, работал сам как проклятый и семью гонял на работу, но стал подыматься. Стали лучше жить, кушать стали сытнее. Одежа тожа, хорошая появилась. Лошадки, коровки. Всё восстановил, даже больше стало, чем до германской. Стал уважаемым середняком. Всё выполнял, все развёрстки. И думал, что так и будет. А тут в колхозы всех стали сгонять и смекнул я вовремя, что если не вступлю в колхоз, то меня подведут под раскулачивание. Знаешь, Денисыч, как ночами я не спал. Как моя семья маялась. Своё, кровное, нажитое потом и кровью я должен отдать обществу, где командовали горлапаны и лентяи. Голь перекатная и голодранцы на собраниях драли горло и записывались в активисты и в обчий котёл сдавать им было нечего, кроме заношенных портков. А они через своё горлопанство к власти лезли. У нас в колхозе только председатель пришлый. Райком поставил, да агроном умный приехал, а все остальные нашенские, бестолковые. Честно скажу, глядя на всё это, всё хотел спалить, заколоть и в город уйти. Но не поднялась рука, не согрешил против бога. Нас на деревне было два крепких хозяина. Я вот отмыкался, посчитал всё и в числе первых пошёл в колхоз, а чтобы порухи и в дальнейшем не было хозяйству, тоже подрал горло на собраниях и стал в нашей деревне бригадиром и старшим здесь. А второй, Антипыч, отказался идти в колхоз. Его сначала планами сдачи задавливали, потом просто раскулачили, в один момент и в Казахстан сослали с семьёй. Вот такие, брат, дела. – Евсей Михайлович скрутил ещё одну солидную сигарку, смачно высморковался и вытер пальцы об штаны. А потом с удовольствием, щёлкнув зажигалкой, раскурил самокрутку. Глубоко втянул в себя дым и выдохнул его. После чего продолжил.

– Нам вот повезло, от центральной усадьбы отдельно живём, одной бригадой. Своё стадо, своя конюшня, свои поля, свой инвентарь. А так как я начальство како ни како, то потихоньку свои лошадки и коровки обратно перекочевали ко мне – на двор. Ну и как бригадир, конечно, я мог кой чего урвать себе и стал вроде бы жить опять неплохо. И хочу, Денисыч, похвалиться на каждый праздник мне грамоту давали за правильное бригадирство. На центральной усадьбе четыре бригады, а толку нету. Всех крепких хозяев оболтусы перебили и сами командуют бригадами. А я отдельно живу, как сказал – так и будет. Но вот другая беда. Раньше как было: что нарбил, то и твоё. И люди мало-мало тянулись. А сейчас что – Всё обчее. Не своё. И работать стали шалтай-болтай. А на трудодни особливо и не попытаешься. Даже если робишь, робишь, а на выходе всё равно худо.

А тут война. Мужиков у нас с деревни человек двадцать сразу забрали. И моих сынов тоже. Немец как попёр – с райкому приказ: всю скотину гнать на восток и зерно вывезти туда же. Опять нам повезло. С центральной усадьбы всё это угнали и вывезли, а от нас не успели. И власти уже пять дён, как нету. Всё партийное начальство на восток подалось. В колхозе остался только агроном – не партийный он. Чёго ему бояться? И мы своим миром всё поделили меж собой: скотину, зерно, сено, инвентарь. Так люди, который день жарят, парят и отъедаются. Вспоминают старое время. Вот ты и спрашиваешь – Какое настроение? А вот такое. Немец – народ аккуратный. Любит всему счёт. Если он к народу подойдёт с умом, драть не будет в три шкуры. Развёрстки нормальные установит – то и народ бунтовать не будет. Всем жить хочется и чтобы дети жили тоже. Я вчера ездил на центральную усадьбу. Так вот немец приезжал с каким-то русским, собирал сельчан и сказал, чтоб колхозы не распускать. Чтоб всё в колхозе осталось по прежнему. Собрать весь урожай и заложить его в анбары. И председателем поставил агронома. Вот и думай.

Мы молчали. И каждый думал о своём. Я тоже был не мальчиком и за свои тридцать семь лет многое чего повидал. Только не мог вот так открыто, как этот деревенский мужик, высказаться. Сразу бы посадили. Я видел, как страна стремительно развивалась и шла вперёд гигантскими шагами. Строились и открывались новые заводы, города, осваивались пустые и не заселённые территории, открывались новые перспективы в Арктике. Ставятся мировые рекорды в авиации. Знал, что всё это давалось тяжёлым напряжением миллионов людей. Но в тоже время видел и перегибы, которые трагически сказались и на армии. Как сам не залетел в эту мясорубку и выжил, самому непонятно. И только сейчас, впервые задумался над тем, как тяжёл труд в деревне. В остальной стране был рабочий день: отстоял у станка смену, выключил его и пошёл домой пивка попить. Сам себе хозяин. А ведь на деревне смен нет: там солнце встало – начало смены, солнце село – конец смены. И за этот тяжкий труд копеечные трудодни.

– Евсей Михайлович, я тебя понимаю. Понимаю твою обиду. Всё понятно. Но на нашу страну напал враг. И надо забыть все обиды, сплотиться и его надо гнать обратно. Хотим мы это или не хотим. Правильно ты говоришь, что немец мужик аккуратный и скупой. Так вот он с вас три шкуры будет драть. Ты ведь сам рассказывал – приехали, забрали и ещё пристрелили. А что дурачок им такое сделал, чтоб его убить...?

Евсей сокрущённо всплеснул руками и перебил меня: – Опять «надо... надо...». Чего ты мне политику толкаешь? А я вот тебе тоже вопрос задам – Где наша Красная Армия? Почему она допустила врага до сюда? Мы же от себя отрывали каждую копейку, чтобы вас кормить, обувать свою – Трудовую Армию. И что? Почему она нас не защитила? Ты знаешь, почему я тебя и твоих солдат накормил, напоил, в бане помыл и вот так с тобой разговариваю? Ась? Вот спроси...

– Ну и почему?

– А потому что вы из леса вышли увешанные немецким оружием. Хорошо значит вы его пощипали. Солдаты у тебя дисциплинированные и тебя уважают и слушаются. Вот поэтому с тобой и разговариваю. Таить не буду, но у нас каждый день в деревню забредают по два,

по три красноармейца. Тоже на восток идут. Только половина из них без оружия, голодные и растерянные. А ещё хуже пуганные... Боятся даже карканья вороны. Не бойцы они. И чего мне с ними балакать. Даём, конечно, хлеба и другого и до свидания. А ты меня про настроения спрашиваешь. Вот они эти вояки всё настроение и несут в народ. А пока вы мылись вся деревня у меня перебивало: думают, что Красная Армия возвращается. Вот так то. Пошли ещё немного выпьем, а то растеребил ты мне душу...

Утром мы покинули гостеприимную деревню и двинулись дальше на восток. Вчерашний разговор оставил тяжёлый осадок на душе. И впервые задумался – А стоит ли так рваться на восток и переходить фронт? Может быть остаться здесь? Раз начальство бросило людей, почему бы мне не заполнить этот вакуум? Какая разница, где бить фашистов?

Ведь надо ещё дойти до фронта, пройти плотные войсковые порядки, передний край. Ну, перейдём. Опять попаду в штаб дивизии и буду строчить бумажки и корпеть над картой. А тут живое дело. Организовывать и подымать сопротивление против оккупантов. А что? Опыт, хоть и минимальный уже есть. Оружие есть. Бойцы отличные. Чего ещё надо для начала. Но с другой стороны...

И в голове закрутились десятки аргументов против, начиная от того, что я кадровый офицер и моё место в армии....

Глава третья

Городок Дубровка, залитый золотым солнечным светом склоняющегося к закату солнца, сразу понравился Курту и Дитриху своей уютностью и тихой провинциальностью. И присутствие множества солдат, тыловых частей и подразделений действующей армии не испортили этого впечатления. Тем более оба понимали, что неделя, две и войска уйдут вперёд, а они останутся и будут безраздельно властвовать над этим прелестным уголком.

Мягко прошуршав по булыжной мостовой, запыхлённый легковой автомобиль остановился перед высоким крыльцом фельдкомендатуры, где их уже ждали. Пожилой гауптман спустился с крыльца и с достоинством представился: – Начальник фельдкомендатуры гауптман Шрёдер.

Щёлкнув каблуками Зейдель и Краузе в свою очередь тоже представились и поднялись за капитаном в просторный и светлый кабинет на втором этаже. Сели за стол и после обмена первыми впечатлениями Шрёдер предложил приступить к делам.

– Господа офицеры. Моё начальство, – капитан многозначительно поднял глаза к потолку, – вчера позвонило и попросило встретить вас, обустроить, ввести в курс дела и на первых порах помочь. На данный момент в городе размещены тыловые части и подразделения обеспечивающие боевые действия Группы армий «А». Помимо них здесь развёрнут госпиталь, организовывается дом отдыха для реабилитации раненых офицеров и солдат. А также моя комендатура для обеспечения порядка в тыловой полосе армии. В вашу задачу, как меня проинформировали, входит развёртывание местной администрации, органов обеспечивающих порядок, а также оказание помощи в развёртывание ряда вспомогательных структур. Я сам и моя комендатура, по моим данным, здесь ещё будет работать максимум дней десять, а потом тоже пойдём вперёд за войсками. Поэтому, в это время как мы ещё будем здесь, прошу обращаться, если на это возникнет необходимость. Поможем. Обстановка в целом в нашем районе спокойная. Местное население встречает наши доблестные войска в основном доброжелательно. Восторга, конечно, не выказывают, но со своей участью смирились. Несколько дней тому назад, ко мне приходил местный житель, бывший работник исполнительной власти и предлагал свои услуги на будущем посту бургомистра. И у него, по его словам, есть список, кто возглавит остальные должности. Я распорядился и завтра в десять часов он будет у меня. Познакомьтесь и присмотритесь к нему. Как я говорил обстановка у нас нормальная, но отдельные группы солдат и офицеров из разбитых русских частей пробираются на восток и иной раз нападают на одиночные машины. Так произошло и с вашими предшественниками. Они погибли, наткнувшись на большую группу русских, возглавляемых офицером. Мы тут же организовали преследование и прочёсывание. И в десяти километрах от места засады уничтожили их. Поэтому будьте осторожны при передвижениях вне города. Но это явление идёт на спад. Много русских солдат по пути на восток оседают в деревнях. Думаю, что недели через две этот поток иссякнет совсем.

Здание для ваших служб уже приводят в порядок. Оно здесь, на площади, двухэтажное. Завтра его тоже посмотрите. А дня два поработаете здесь. Пару кабинетов вам подготовлено.

Квартиры тоже подготовлены, жить будете на соседней улице в двух, рядом расположенных домах. Их хозяева выселены в другие помещения, но они отвечают за порядок в доме и если согласитесь там столоваться, то они будут готовить для вас еду.

А сейчас прошу вас за стол. Перекусим и выпьем за будущее сотрудничество.

* * *

Курт Зейдель спокойно закурил сигарету, откинулся на спинку удобного кресла и хозяйски подумал: – Надо будет потом забрать в свой кабинет... – и сквозь выпущенный дым, оценивающе посмотрел на сидящего по другую сторону стола русского.

Чуть выше среднего роста, крепкий телом, располагающее, открытое русское лицо. Чувствует себя несколько скованно перед немецким офицером, но сдержанные движения и взгляд выдаёт довольно решительного человека. Одет хоть и в костюме с хорошо подобранным галстуком, но в целом довольно скучновато. А так он понравился Курту, но обер-лейтенант решил не выдавать своего впечатления и сыграть по жёсткому варианту, чтобы толкнуть русского на большее откровение и крепко ему вбить в мозги, что хоть он и будет бургомистром, единственные хозяева здесь это немцы.

– Господин..., – Курт прекрасно запомнил имя отчество посетителя, но сознательно потянул, ээээ...

– Тимохин Сергей Константинович, господин обер-лейтенант. – Почтительно подсказал русский.

– Да, да. Господин Тимохин, буду откровенен. В данный момент у меня очень мало времени и я надеялся, что приняв вас, быстро решу вопрос с постом бургомистра и также с частью вопросов, который будет решать бургомистр. А что я слышу...? У меня на приёме большевик, коммунист, который честно и добросовестно работал на Советскую власть. И сейчас он пытается меня уверить, что также честно и добросовестно будет работать на Великую Германию... Не верю..., и не получается поверить. Поэтому, я сейчас вызову солдат и мы вас отдадим в другие руки, а они пусть разбираются с какой целью вы пытаетесь втереться к нам в доверие, – Курт сделал вид, что потянулся к колокольчику, заменяющий кнопку вызова, но остановил свою руку, увидев как русский слегка побледнел и, всё же сохраняя достоинство, протестующее поднял руку.

– Господин обер-лейтенант..., давайте пока не будем вызывать конвой, а я попытаюсь объяснить причины, по которым искренне пришёл к вам.

– Хорошо, господин Тимохин, у вас есть ещё несколько минут. Попробуйте убедить меня в своей искренности. Не сумеете, через полчаса, вас будут допрашивать уже в другом кабинете. Очень больно будут допрашивать. Прошу...

Тимохин секунд на двадцать задумался, а потом вполне толково и логично стал разъяснять свою позицию.

– Господин обер-лейтенант. Что такое государственная власть? – Риторически задал он вопрос и сам тут же поспешно ответил, развивая мысль, – А это инструмент, с помощью которого мыслящий, энергичный, стремящийся к новым высотам человек может достигнуть более высоких горизонтов и благ. И тут не важно: то ли это царская власть, то ли Советская, то ли, извините, государственная власть Великой Германии...

– Смело, смело, господин Тимохин..., – поощрил Зейдель.

– Так вот, – ободрённый доброжелательным тоном немецкого офицера, Тимохин продолжил уже более уверенно, – господин, обер-лейтенант. Мне совершенно безразлична Советская власть. Я также добросовестно работал бы и при другой власти. Скажу даже больше, она меня не обижала, не устраивала на меня гонения и не ущемляла. Также же я знаю, чтобы добиться высокого положения при любой власти надо много, добросовестно и честно работать. Да..., при этом можно немного что-то и урвать уже и себе от власти. Но это должно быть в разумных пределах и размерах. В Советской России существовало две ветви власти. Одна – это партийная. У нас в районе существовал районный комитет партии во главе с первым секретарём. Это основная власть, которая давала указания что делать и как. А также под её контролем было всё. Там работали настоящие коммунисты, которые задавали тон во всей жизни. Власть райкома пронизывала все слои общества, как по вертикали, так и по горизонтали и её решения по любому вопросу – были окончательны. А вторая ветвь власти – это исполнительная. Вот я и работал в исполкоме: то есть в исполнительном комитете, который исполнял указания райкома. Только исполнял. Инициатива была наказуема. Здесь тоже была власть, но чисто номи-

нальная и только в своей исполнительной вертикали. И я был только исполнителем. Но хорошим исполнителем.

Теперь насчёт моего членства в партии. Да..., я был коммунистом. И как здравомыслящий человек понимал, что не будучи коммунистом – не смогу занять достойное место в обществе и во властной вертикали. Поэтому вступил в партию. Да..., выступал на партийных собраниях, голосовал за решения партии, клеймил и поддерживал. Да..., это было и это были такие правила игры. Зато я работал, имел хоть и небольшую – но власть. Имел достаток и мог вполне нормально обеспечить свою семью. В этом с чисто житейской точки зрения ничего преступного и зазорного для Великой Германии нет.

И последнее. Думаю, что назначение на пост бургомистра бывшего коммуниста, представителя Советской исполнительной власти ещё больше укрепит в сознании простых русских людей, что с Советской властью покончено.

Тимохин замолчал и, достав белоснежный носовой платок, не скрываясь, вытер испарину на лбу.

Что ж Зейдель был доволен. Тимохин, несмотря на то, что был не шуточно напуган его демаршем, сумел скрыть испуг и достойно выйти из щекотливой ситуации.

– Знаете, господин Тимохин, а вы убедили меня. Думаю, что и пришли вы не с пустыми руками.

– Да, господин обер-лейтенант. Не с пустыми. Так как моя бывшая должность предполагала активные разъезды по району и широкие знакомства в самых различных слоях населения – я знаю людей и люди меня тоже знают. Здесь у меня список людей, готовых занять руководящие должности в городской управе. Создать новую милицию и возглавить её. Посмотрите. – Тимохин протянул через стол лист бумаги.

Зейдель взял его и пробежал взглядом по ничего не говорящему ему списку людей и поднял глаза на сидевшего будущего бургомистра: – Первое: не милицию, а полицию. Второе: через два часа все эти люди должны быть здесь. Я их хочу посмотреть и послушать.

Курт постучал ногтём по списку: – Тут тоже коммунисты есть?

– Да, господин обер-лейтенант, они придерживаются примерно таких же взглядов, как и у меня. Только в отличие от меня, они имеют обиды на Советскую власть.

– Поясните, господин Тимохин.

– Некоторые из них считают, что Советская власть обошла их должностями.

– Хорошо, разберёмся. Если они мне понравятся – через три часа вы будете бургомистром со всеми вытекающими отсюда полномочиями. Выполняйте.

Дождавшись, когда Тимохин вышел из здания, Курт поднялся из-за стола, вышел из кабинета и, пройдя по широкому, но не длинному коридору, зашёл в кабинет Краузе на противоположном конце второго этажа.

– Ну что, Дитрих, как у тебя дела? – Курт присел на подоконник и посмотрел на взбужденного товарища.

– Как, как...? Недоволен я... Сейчас такой разгон устроил своим новым подчинённым... Они как приехали сюда, вместо того чтобы сразу взять ситуацию под контроль стали гулять, пить. Задаю им ряд вопросов и ни на один не смогли ответить. Оставили ли Советы для организации подпольной работы людей? Кого оставили? Есть ли списки оставшихся коммунистов? Евреев? Нет, ничего нет... Вот, устроил промывку мозгов. Сказал, если в течение семи дней они не исправят положение, то уйдут в действующую армию. А у тебя как?

Зейдель усмехнулся и сложил руки на груди: – У меня, надеюсь, нормально. В отличие от твоих бестолковых подчинённых, я нашёл нескольких коммунистов довольно высокого ранга...

Краузе аж подскочил на своём стуле: – Какккк? Гдеее? Курт, ты меня не разыгрываешь случаем?

Курт внутренне усмехался, но внешне оставался собранным и серьёзным: – Нет, Дитрих, нет. Не шучу. У меня только что состоялся разговор с одним из них, а через два часа он приведёт ко мне в кабинет ещё несколько большевиков.

Обер-лейтенант возбуждённо вскочил и подбежал к окну, на подоконнике которого продолжал сидеть невозмутимый Зейдель: – Курт, если ты всё-таки не шутишь, я накрываю сегодня стол. Если правда, то открой секрет – Как у тебя это получилось?

– Просто нужно работать с местным населением. У тебя есть ещё два часа и ты можешь ещё раз разобраться со своими подчинёнными. А потом приглашаю тебя и твоих подчинённых к себе в кабинет. Но условие: ты не вмешиваешься в мои действия. Потом мы с тобой всё обсудим. Да, возьми у Шрёдера его переводчика.

За несколько минут до означенного срока в кабинете у Зейделя, вдоль стены на стульях сидел Краузе, переводчик-солдат и несколько офицеров служб СД.

Ровно в половине первого, предварительно постучавшись, открылась дверь и зашёл Тимохин: – Господин обер-лейтенант, разрешите заводить.

– Да, – мужчина выглянул в приоткрытую дверь и после взмаха рукой, вслед за ним в кабинет стали заходить приглашённые, которых Тимохин стал выстраивать перед столом в одну шеренгу.

Осмотрев замерших перед ним русских, Зейдель значительно посмотрел, на молча наблюдавших офицеров СД, и спокойно спросил: – Кто из вас коммунисты? Поднять руки.

После некоторого замешательства и мимолётных переглядываний, несколько человек несмело подняли руки, а среди подчинённых Краузе произошло лёгкое движение, но под строгим взглядом своего начальника оно сразу и заглохло.

– Хорошо, господин Тимохин, представьте присутствующих.

– Господин, обер-лейтенант, представляю вам на утверждение кандидатуры на следующие посты в городской управе. Господин Аверьянов Дмитрий Тимофеевич – заместитель бургомистра.

Мужчина лет сорока, невысокого роста, с мягкими пушистыми усами, сделал шаг вперёд и слегка поклонился.

– Господин Карпов Егор Гаврилович – начальник отдела сельского хозяйства.

Карпов – кряжистый, высокого роста с рябоватым лицом, одетый в чёрный костюм, сидевший на нём мешковато, шагнул вперёд.

– Ему бы вместо костюма деревенскую одежду, и бороду... Типичный, сельский богатей, – прикинул Курт и благосклонно кивнул головой.

– Начальник отдела по местной промышленности – господин Чернов Антон Осипович...

– Начальник..., – Тимохин представлял следующего и они выходили вперёд и становились друг около друга.

– Начальник полиции – господин Дьяков Арсений Семёнович.

Последний из присутствующих сделал шаг вперёд и он тоже понравился Зейделю. Крепкий, решительного вида, правда несколько нервный в движениях, но ощущается едва сдерживаемая энергия и чувствуется военная косточка.

Зейдель довольный поднялся из-за стола и победоносно посмотрел на Краузе и его подчинённых, потом вновь обратил взор на замерших членов городской управы.

– Хорошо, только я не понял кто у вас бургомистр?

Тимохин сделал шаг вперёд и оказался перед столом: – На должность бургомистра предлагаю господина Тимохина Сергея Константиновича, – и замер, открыто глядя на немецкого офицера.

– Что ж, с задачей вы, господин Тимохин, справились хорошо и подбор кадров одобряю. Но каждый получит оценку своего труда, естественно, позднее. Справится со своей работой – останется на должности. Нет – как у вас говорят – Не обессудьте.... Уже зная вашу пред-

приимчивость, думаю, что вы присмотрели себе и резиденцию. Давайте, господин Тимохин, сегодня вы можете себе просить всё. Завтра нет. Потому что завтра – работа и только работа на благо Великой Германии.

– Господин обер-лейтенант, хотелось бы сохранить преемственность власти. Здание райкома партии. – Твёрдо ответил Тимохин.

– Это какое здание? Я ещё плохо знаю город и его достопримечательности.

Дитрих легко поднялся со стула, подошёл и встал рядом с Куртом, с интересом разглядывая как бургомистра, так и его подчинённых: – Это вот то самое здание, в котором мы сейчас находимся.

– Ааа..., но ведь в этом здании фельджандармерия располагается.

– Господин обер-лейтенант, общаясь с гауптманом Шрёдером я понимаю, что они через несколько дней уйдут вперёд и передадут всю власть вам, как коменданту. Размещения моего аппарата и вашей комендантской службы от этого только выиграет. Я и мои подчинённые будут у вас под рукой и в любой момент оперативно ответят на любой вопрос или дадут пояснения. С другой стороны я, как бургомистр, не буду заниматься вопросами охраны, так как это будет ваша прерогатива.

– Bravo, bravo. Вы мне всё больше и больше нравитесь, господин бургомистр, своей деловой хваткой. Но не кажется вам, что вы переходите некоторые границы?

– Вы, господин обер-лейтенант, предложили мне сегодня просить, что я хочу. Вот я и озвучил – что хотел бы иметь.

– Хорошо, господин бургомистр, мы этот вопрос обсудим с вами отдельно. А теперь слушайте первый приказ. Господин бургомистр, завтра в двенадцать часов я вас жду для решения чисто практических вопросов. В тринадцать часов, все присутствующие здесь, также находятся здесь со своими должностными обязанностями и планом работ по направлениям на месяц вперёд. Сегодня вам, как русские говорят, день на раскачку, а завтра – работа.

– Господин Дьяков, – начальник полиции сделал шаг вперёд, – вы мне должны представить завтра структуру полиции, общие обязанности полиции, намётки на численность и всё остальное связанное с обеспечением порядка на вверенной вам территории.

Курт по-хозяйски оглядел русских и махнул рукой: – Все свободны, бургомистру остаться.

Тимохин в свою очередь кивнул головой подчиненным на выход и уже властно, что тоже понравилось присутствующим немцам, скомандовал: – Подождите меня в коридоре.

Обер-лейтенант предложил бургомистру сесть, а Дитрих расположился справа от Зейделя.

– Господин Тимохин, последнее. Завтра, в двенадцать часов, вы должны представить мне подробнейшие характеристики на каждого, кого вы сегодня представили. Подробнейшую. Кто такие, какие должности занимали при Советской власти. Причины, по которым они остались и готовы сотрудничать с нами. Сильные и слабые стороны. Чего боятся и так далее. Также хочу вам напомнить, что вы, господин бургомистр, теперь несёте личную ответственность за каждого кого вы сегодня представили мне. Вопросы есть? Тогда вы свободны.

– Курт, я восхищён тобой, – дверь за Тимохиным закрылась и Дитрих протянул руку другу, – я хочу тебя поздравить с первым успехом.

Приняв искренние поздравления Краузе, Курт протянул список русских, бывших на приёме.

– На, Дитрих, пусть твои подчинённые соберут на них все сведения. Мне интересно будет сравнить их с теми характеристиками, какие им даст бургомистр. Ну, а вечером как ты и обещал, я жду приглашения..., – Курт засмеялся, а Дитрих весело похлопал товарища по плечу.

– Всё будет, Курт. Как обещал будет – первый успех надо закрепить...

Глава четвёртая

...Я и Петька вышли на опушку леса и, прикрываясь невысокими, но густыми кустами, стали осматривать очередную небольшую лесную деревеньку. За сегодняшний день мы сделали хороший рывок и я подумывал остановиться на ночлег в этой деревне. Пора пополнить запасы продовольствия, да и пообщаться с местным населением о немцах. Где они? Как себя проявляют?

– Алексей Денисович, – из глубины леса на опушку вышел старшина, – у меня в этой деревне дальний родственник проживает – нормальный мужик. Может, у него остановимся?

– А у тебя откуда здесь родня? – Удивился я.

– Так я из этих мест... Забыли, наверно.

– А..., точно. Совсем вылетело из головы... А до дома тебе далеко?

– Километров пятнадцать будет. Может, я стогаяю до своих? А, Алексей Денисович? – Я внимательно посмотрел на старшину, который открыто и просительно смотрел на меня. Главное я понимал: если запрещу – не пойдёт, не нарушит приказ. Но с другой стороны – я ведь тоже не скотина безмозглая и Николай Иванович не пацан, чтобы по-дурацки влезть в засаду к немцам. Поэтому не стал его томить.

– Хорошо, только давай сделаем следующим образом. Ты сейчас с Белкиным идёшь на разведку к своему родственнику. Если всё нормально, то там располагаемся, а ты идёшь домой.

Так и сделали. Через час мы скрытно пробрались во двор родственника: Григорий Яковлевич, так он представился. Кряжистый, осанистый и представительный деревенский мужчина в возрасте. Встретил нас приветливо и расположил в сарае. Николай Иванович весь светился от радостных известий. Как ему уже успел рассказать Григорий Яковлевич, он два дня тому назад был в их деревне и заходил домой к родителям старшины. Видел его жену и детей. Все живы и здоровы.

И как только сумерки сгустили темноту, ко мне подошёл старшина: – Алексей Денисович, ну что? Пошёл я...?

– Ты что один собрался? – Старшина стоял передо мной полностью вооружённый и экипированный для рывка до дома. – Не..., так не пойдёт. Одного тебя не отпущу. Бери Белкина и сапёров. Послезавтра утром жду обратно. Только будь поосторожней.

Совсем стемнело и Григорий Яковлевич пригласил нас в избу поужинать. За накрытым столом, с неизменной бутылкой самогона, уже сидело всё семейство хозяина и ожидало только нас. На охранение никого не стал ставить, так как уже знал, что немцы по ночам не воюют.

Выпили, закусили, выпили ещё по одной и лишь после этого потёк неспешный рассказ хозяина. Всё как у всех. Начальство сбежало быстро, предоставив жителям самим решать свою дальнейшую судьбу. Если таким маленьким деревенькам повезло, потому что в быстроменяющейся обстановке было не до них. Ни нашим, ни немцам. То крупным хозяйствам, да недалеко расположенным от районных центров и вдоль дорог повезло гораздо меньше. Оттуда успевали по большому счёту вывезти на восток все запасы зерна, наиболее ценное оборудование и угнать скот. Что не успевали – безжалостно сжигалось, вместо того чтобы раздать местному населению. А у них, как и в той деревне, пару дней тому назад, всё поделили между собой. И теперь довольно уверенно смотрели в будущее. Никто не хотел возвращаться в колхоз и все надеялись жить, как и раньше – для себя. К немцам относились настороженно. Они просто ещё не появлялись в деревне. Хотя в районном центре немцы уже обосновались и начинают организовывать жизнь местного населения по своему разумению.

– Я два дня тому назад был в райцентре: немцев полно там и уже назначили бургомистра. Я его немного знаю. Так себе человек и при советской власти бегал с портфелем в райиспол-

коме. За заготовки отвечал. Сам, тьфу, а сейчас «Господин бургомистр».... – Григорий Яковлевич возмущённо сплюнул на пол. А я его подковырнул.

– А чего ты возмущаешься? Сам говоришь – советскую власть по боку, будем жить по старому...

– Иэх..., – хозяин горестно вздохнул и налил самогонку, – сынки, мне шестьдесят годков. Я и при царе хозяином был и при советской власти. Мне есть с чем сравнивать. Не всё так просто. Я вот за себя скажу – жил хорошо только с двадцать второго года и до колхозов, пока государство не мешало. А потом одна маята... Хлебом с солью встречать никто немца конечно не будет, но если он крестьянству даст пожить....

Последующие пять минут прошли в молчание. Молчал хозяин и члены его семьи, молчал и я, не зная, что ответить. Мы, насытившись, вяло ковырялись в еде и я искал повода, чтобы, не обидев гостеприимных хозяев, уйти на ночёвку. Но тут невольно помог сам хозяин, нарушив молчание.

– Что обиделись? Ну, не обессудь...

– Да нет. То, что ты говорил, Григорий Яковлевич, мы слышали и в других деревнях. Но задевает душу. Следуя таким рассуждениям. Ну..., нам только и остаётся – завтра пойти в районный центр и сдать немцам. Чего сопротивляться, если народ смирился с оккупантами.

– Эээ, нет..., шалишь, брат..., – Григорий Яковлевич возмущённо и энергично замахал заскорузылым пальцем перед мой лицом, – да ты, Алексей Денисович, ничего не понял. Нееет..., вот ты иди и сражайся. У тебя есть оружие, подчинённые, вас много, есть дисциплина. Вот иди и защищай крестьянство и государство. Я могу обижаться на советскую власть. Я её кормил, я её поил, одевал, содержал, а советская власть меня бросила и убежала. Да ещё забрало зерно, скот, инвентарь. Даже не подумало – А как крестьянство под немцем жить будет? Всех здоровых мужиков с деревни забрали в армию. Начальство сбежало и никаких указаний не оставила. Вот завтра немец придёт в деревню – Я, что с вилами попрусь на него против танка и винтовки? Ты, дурья голова, подумал об этом? А то обиделся... Я сейчас пред своим сыновьями в полном ответе – вот за них. За внуков, за невесток.

Григорий Яковлевич обиженно засопел, а семья, на которую он направил указующий перс, испуганно затаилась, глядя на разбушевавшегося хозяина.

– А то что я вас принял, накормил, напоил и устроил на ночлег, ты не считаешь поддержкой народа? Да уже полдеревни знает, что у Сергушиных отряд красноармейцев стоит. А если об этом немцы узнают? А то, что мы каждый день двоих-троих красноармейцев в деревне встречаем, кормим, поим, моем и даём в дальнейший путь еду – Это что не считается?

Гостеприимный хозяин огорчённо махнул рукой, выплеснув свою обиду не сколько на меня, сколько на власть, в крике и тут же последовало тому подтверждение.

– Ладно, не хотел говорить, но раз такая свадьба пошла – то скажу. А ты, как представитель советской власти, принимай меры.

Сергушин плеснул себе в кружку немного самогонки и вопросительно посмотрел на меня и я махнул рукой – Давай, мол – и мне.

Разлив самогонку, мы чокнулись и выпили, а немного закусив, хозяин понизив голос и пригнувшись к столу, стал рассказывать: – Я тебе уже сказал, что каждый день заходят в деревню за едой красноармейцы. В основном это хорошие солдаты, были даже два лётчика. Их встречали честь по чести. Кормили, поили, мыли и в путь-дорогу давали еды. Благо у нас с продуктой сейчас нормально. А тут дён пять тому назад пришли трое и старший у них сержант. Винтовки у них. Расхлюстанные, наглые, глаза нехорошие, но мы их встретили, как положено, продукту в дорогу собрали, дали им и самогонку, которую они потребовали и ушли они. Не стали мы на них обижаться. Лиха они военного хватило достаточно.

А на следующий день они опять заявляются и уже требуют еды, самогонки. Зашли они к деду Евлампии и бабке Евдокии. Бойкая бабка. Вот она еды дала, а самогонки нет. И стала

их стыдить. Ихний сержант слушал, слушал её, а потом как дал ей прикладом в грудь. Вчера бабку и схоронили.

Два дни назад пришли ко мне. Я не стал спорить, сопротивляться отдал всё, что они просили. Пробовал мужиков оставшихся сорганизовать, чтобы дать отпор. Они же шалаш в лесу построили и живут там. Пьют, едят, над людьми измываются. Вчера мне рассказали, что они и соседей, версты четыре отсюда, тоже обирают. Спят до обеда, а потом идут и грабят крестьян. Да, в соседней деревне они девку чуть несилиничали. Хорошо бабы набежали, отбили девку, а то беда была бы. Так вот я с мужиками разговаривал, но все отказываются. Боятся, да и я тоже, что ночью придут и пожгут. К немцам идти помощи просить, как-то совестно – свои всё-таки....

Вот ты, Алексей Денисович – командир. У тебя отряд. Оружье. Ты советская власть. Иди и приструни их. Забирай в свой отряд и до армии идите.

Все эти дни, как началась война, я держал свои эмоции в кулаке. Всегда старался быть ровным и спокойным, но сейчас чуть было не сорвался, до того меня взбесил рассказ сельчанина. Тут идёшь, стараешься при этом немцев щипать и думаешь, как максимально использовать свой потенциал. А эти скоты, пригrelись и грабят беззащитное местное население. Ну..., ублюдки...

– Григорий Яковлевич, где они?

– Завтра с утра, я вас туда отведу. Но, чур уговор, не хочу чтобы они видели меня и знали что я вас привёл.

– Не беспокойся. Ты главное приведи, а там посмотрим на что они наговорят.

.....Бандюганы чувствовали себя спокойно и в безопасности. Ни какого поста, даже самого банального дежурного у костра. Уютная полянка в окружении берёз и густого кустарника, правда, сильно замусоренная тряпками, объедками и другими отбросами. Шалаш из густых еловых веток, из которого торчали три пары грязных пяток. Справа и слева от пяток виднелись приклады винтовок. В двух метрах от шалаша слегка дымящиеся кострище, с подёрнутым седым пеплом углями, и несколько чурбаков, служивших сиденьями. И опять мусор: тряпки, кости, яичная скорлупа, немытые железные тарелки, черепки от горшков и осколки бутылей.

Я сел на чурбак и кивнул Петьке. Солдат на носках подошёл к шалашу и резким рывком выдернул винтовки. Минуты полторы прошло без изменений, потом послышалось недовольное ворчание: – Это кто там такой смелый шуткует?

Пятки завозились, зацарапали такими же грязными пальцами землю и из шалаша вылезло мурло. Самое натуральное мурло. Встрёпанные, стоящие дыбом, немытые волосы, небритая, в недельной щетине заилевшая харя, в тяжёлом похмельном угаре. Такая же по стать грязная и засаленная одежда. Мурло, стоя на карачках, молча осмотрело нас и ничего не понимало, посчитав нас продолжением пьяного, тяжёлого сна. Довольно шустро, на четвереньках это чучело подбежало к баклажке и, высоко закинув голову, стало оттуда громко глотать воду.

– Уууу....., как хорошооооо.

Выдохнув густой перегар, мурло снова повернулось к нам и более осмысленно посмотрело на нас и задумалось, сев на задницу.

Громко пёрднув, а потом ещё раз рыгнув, озабоченно пробормотало: – Чёрт побери, всё-таки «белочку» словил... Надо бы сегодня не пить....

В это время из шалаша вылезли на свет ещё двое и, увидев нас, сразу поняли, что на «белочку» грешить не стоит, а пришла расплата и покорно застыли в ожидании оной, представив свою жизнь судьбе.

– Кто у вас старший?

– Ну, я.... Значит, ты мне не снишься майор? – Мурло уже более осмысленно смотрело на нас.

– Во-первых: надо говорить товарищ майор. Во-вторых: не снишься – а не снитесь. Я с тобой на брудершафт не пил. Ваше воинское звание и фамилия.

– Да ладно, майор, хорош в армию играть, – то ли от безбашенности, то ли от непонимания ситуации мурло нагдело. А может в нём ещё вовсю бродил алкоголь, – нету армии... Нету Красной Армии. И мы с тобой сейчас не на плацу, а глубоко в тылу у немцев. Давай лучше побазарим... Тут деревень море, а власти никакой. Немец далеко и мы тут хозяева. Пойло, бабы – всё наше... Подумай, майор, тут такие дела вершить можно...

– Даааа..., ты оказывается совсем не въехал в ситуацию, – я достал вальтер и выстрелил между ног старшего, – это я тебя в плен взял, это у меня люди вооружённые кругом стоят. Если ты и дальше так разговаривать будешь, я тебе ногу прострелю. Опять задаю вопрос – Воинское звание, фамилия.

Мурло от выстрела сильно вздрогнуло, а остальные двое услышав про плен сразу подняли руки вверх.

– Хорошо..., хорошо.... Зачем только стрелять? Сержант Никифоров я.

– Имя, отчество, воинская часть...

– А это зачем? Тем более, что полка то уже и нет, – сержант продолжал по инерции сопротивляться.

– Как зачем? Для приговора. Старушку, которую ты ударил в грудь – вчера схоронили. Убийство. Грабёж местного населения. Попытка изнасилования. Вот так вот. В военное время вплоть до расстрела.

– Не пугай... Не имеешь права, майор. Ты не прокурорский. И без следствия не имеешь ни какого право нас судить.

– Ты на себя в зеркало смотрел? Если бы не сказал, что ты сержант, ни за что бы не подумал. А я, видишь? Форма, знаки различия, побритый. Солдаты и сержанты при всех своих регалиях. Вооружены немецким оружием. Значит, мы воюем. А исходя из этого я, майор Третьяков, являюсь здесь, в немецком тылу, представителем Советской власти. Командиром Красной Армии. И следствие проводить не буду. Мне достаточно жалоб местного населения, которое и указало ваше место. Не хотите говорить – не надо. Так безвестно и будете расстреляны.

– Товарищ майор..., товарищ майор, – очнувшись, заголосили остальные двое и на коленках шустро двинулись в мою сторону. Но Увинарий сильным толчком ноги опрокинул их на спину. Те тут же поднялись на колени и, не опуская рук, опять заголосили.

– Товарищ майор..., товарищ майор, не виноваты мы. Это всё сержант Никифоров. Это он старушку ударил и девку тоже он хотел отъе...ть... Он нас заставлял..., а мы его подчиненные и он наш командир отделения...

– Ууу..., курвы. Как жаренным запахло, всё на меня свалить решили... А кто самогонку в три горло жрал? А кто хихикал, вот тут у костра и говорил, какая прекрасная жизнь? Суки... Ты, майор, меня послушай. Ты кого слушаешь? Это ж деревенское мужичье? Мы завтра до своих дойдём, а они под немцем будут жить и посмеиваться над нами. И их кормить. Да это кулачье недобитое... Старухе вообще нечего было лезть под руку... её мужик стоял и молчал, а она нас – красноармейцев ругала и советскую власть тоже. Вот и получила холуйка немецкая. А девка, так она сама хотела. Так что нечего тут базарить и их защищать. Давай расходимся. Даю честное слово, что завтра нас тут не будет. Пойдём на восток до своих. Ну что, договорились? А хочешь вместе пойдём? Под твоим началом. А?

Увинарий и Петька стояли по сторонам этих скотов, держа оружие наготове, и откровенно развлекались. Это были уверенные, обстрелянные солдаты, которые знали – немцев можно бить и нужно бить. И кроме глубокого презрения эти окруженцы у них иных чувств не вызывали.

Брать их в свой отряд я даже и не собирался. Сержант Никифоров был главарём этой маленькой шайки, ну а его подчинённые банальные слабаки. Попали под влияние более силь-

ного сержанта. И что с ними делать? Это вот вопрос... С этими двумя понятно..., а вот сержант... Это сволочь. Никуда он не уйдёт. В крайнем случаи, переместиться километров на двадцать и снова возьмётся за старое. Брать с собой...? Нееее..., сержант опасный и, по всей видимости, весьма подлый тип, выберет удобный момент и Да и старушка умерла... Нет – надо быть жёстким.

– Чьё оружие?

– Наше, – солдаты из-под поднятых рук, с надеждой смотрели на меня.

– Сержант, давай список отделения.

– Потерял, когда отступал..., – пробурчал сержант.

– Потерял, когда драпал, – поддел его Петька, на что Никифоров блеснул глазами из-под бровей.

– Фамилия? – Спросил я правого бойца.

– Красноармеец Аксёнов, – крепенький солдат, но глаза тускловатые, тупые.

– Номер винтовки?

– КН 183456.

– Точно есть такая. И обойма полная. Понятно. А ты? – Спросил второго.

– Красноармеец Сундуков. Номер винтовки ХР 345921.

– И такая есть. Да, Сундуков, не даром на Руси фамилии давали, – я поглядел на солдата и рассмеялся, следом засмеялся Увинарий с Петькой и было отчего. Такой же плотный, как и Аксёнов, но был какой-то квадратный и угловатый. Действительно – «Сундук – сундуком». Тихо захихикал Аксёнов и заулыбался сержант, считая, что самое страшное позади.

– Ну а теперь, товарищ сержант, ваше оружие.

Сержант перестал улыбаться, а глаза шкодливо забегали из стороны в сторону.

– То есть, тоже потерял..., – удовлетворённо констатировал я. – Я так и предполагал. Вот Никифоров, странно получается. Документы потеряли, оружия тоже..., нет. Знаки отличия на петлицах отсутствуют.

– Ну и что? – Угрюмо спросил Никифоров, – так получилось...

– Что ты тут, пытаешься нас надуть, – внезапно вспыхнул Петька и, размахнувшись ногой хотел пнуть сержанта, но глянув на меня сдержался, – ты сука дезертировал. Бросил оружие, порвал документы и треугольнички с петлиц снял. Ни хера ты и никуда не пойдёшь. Так и будешь бандитствовать. Что ты тут песни нам поешь? Мы такие бои пережили, да сами нападали и вон у нас сержант Дюшков – всё как положено на нём. Товарищ майор, раненый и контуженный, а всё тоже как положено по форме. И не собираемся прятаться. И дальше фашистов будем бить. Правильно, я говорю, товарищ майор.

– Правильно, товарищ солдат. Правильно. Ну, что ж, пора принимать решение. Встать!

Аксёнов и Сундуков вскочили и стали по стойке «Смирно». Никифоров же поднялся тяжело и нехотя. И Петька сильным толчком послал его к подчинённым, после чего встал справа от меня и, одновременно с Увинарием передёрнув затворы, направили автоматы на маленький строй, чем ввергли солдат в ужас, а Никифоров встревожено забормотал: – Э..., э..., товарищ майор, вы что задумали?

– Слушай приговор. Я, майор Третьяков, именем Советской власти: Сержанта Никифорова за нанесение тяжких побоев, приведших к смерти деревенской жительницы Евдокии. За грабёж местного населения, за попытку изнасилования, за подрыв авторитета бойца Красной Армии, за подрыв авторитета Советской власти приговариваю к смертной казни, через расстрел. Красноармейцам Аксёнову и Сундукову объявить своё решение после расстрела сержанта Никифорова.

– Товарищ майор, да вы что охерели что ли? Какой расстрел? Да вас самих расстреляют, когда узнают, что вы убили сержанта Красной Армии без суда и следствия. Нееее..., давайте,

товарищ майор, заворачивайте обратно. Я согласен влиться в ваш отряд и полностью выполнять все ваши приказы. И хочу бить фашистов.

– О... как? Сразу захотелось бить фашистов, а ведь пять минут назад ты этого не хотел, да и нечем тебе бить фашистов. Аксёнов и Сундуков – в сторону отошли. – Я поднял вальтер и стволом показал отойти от Никифорова. Но тот уцепился в Сундукова и заорал.

– Вы куда, куда пошли? Куда...? Стойте здесь..., – но Сундуков, с ужасом глядя на пистолет в моей руке, с силой отдирает пальцы сержанта от своей гимнастёрки. Оторвал и отскочил в сторону к Аксёнову.

Никифоров, вдруг поняв, что на самом деле пришёл конец, рванул на груди гимнастёрку и надрывно закричал: – Стреляй..., стреляй сволочь. Ненавижу... Жалко, к немцам не успел....

Сухой выстрел из вальтера прервал крики сержанта и тот, получив пулю в лоб, рухнул на траву: как будто из него выдернули металлический стержень. Я повернулся к онемевшим от ужаса Аксёнову и Сундукову: – Ну, что вот с вами делать? Не знаю... Ладно, стойте здесь пока, мы посовещаемся.

– Ну что, парни, с ними будем делать? Что-то мне не хочется их к себе брать: слабые и мутные они. Как ваше мнение?

– Не..., товарищ майор, – Петька загорячился, – на хрен они нам нужны. Подведут они или в спину стрельнут. Пусть идут сами. Одни.

Я повернулся к Увинарию: – Ну, а ты?

– Согласен с Петькой. Мы сейчас кулак, а возьмём к себе разбавим наш коллектив слабаками. Мы с боями шли, а у них полные обоймы в винтовках. Мы воевали, а они деревенских грабили. Нет, пусть радуются, что рядом с сержантом их не положили... Пусть сами по себе идут к нашим.

Примерно также думал и я. Мы вернулись к понуро стоящим красноармейцам, которые покорно смирились с судьбой.

– Действительно, на хрен нам такие нужны, – подумал я, окончательно и без сожаления, приняв решение.

– Так бойцы. Надо бы вас примерно тоже наказать, но думаю, что урок вы получили хороший. Взять в свой отряд не могу. Я здесь остаюсь и буду разворачивать партизанское движение, а мне такие слабаки не нужны. Оружие у вас забираю. Раз вы им раньше с толком воспользоваться не сумели, то и дальше оно вам ни к чему. Немцы задержат, хоть не расстреляют на месте. Идёте на восток к нашим. Задача ясна? – Аксёнов и Сундуков радостно закивали головами, вдруг поняв, что гроза пронеслась над их головами и рассеялась в синем небосклоне.

– Да, да, забирайте винтовки... Они нам не нужны, – бойцы даже руки протянули вперёд, отказываясь от оружия, чем вызвали у нас весёлый смех, – тут у нас в шалаше ещё немного патронов есть.

Аксёнов с услужливой готовностью нырнул в шалаш и вытащил ещё четыре обоймы с патронами. Они так были рады, что прикажи им раздеться и идти голыми – с радостью скинули бы портки и почесали.

– И последнее. Этого, своего командира отделения, похоронить где-нибудь тут. Сегодня ещё здесь можете оставаться. Навести порядок, а то зассрала половину леса. Постираться, привести себя в порядок, а завтра вперёд. Вечером вернусь и проверю, как вы выполнили мои приказы....

Григорий Яковлевич ждал нас недалеко, сидя на пенёчке: – Сурово, сурово, Алексей Денисович. Может быть, не стоило стрелять его? Поругал бы его, ну побил...

– Нужно было. Это враг Советской власти. А тебе на..., бери винтовки. Авось пригодятся в хозяйстве. Послушай, Григорий Яковлевич, лес хорошо знаешь?

Сергушин обрадовшись, взял обе винтовки в руки, а потом ещё неловко принял четыре обоймы с патронами от Петьки.

– Отлично, отлично. Конечно, пригодятся. А как же... Теперь есть чем с врагом биться и защищаться. Патронов, правда, маловато, но ничего остальное добудем. У меня, Алексей Денисович, есть кому вторую винтовку отдать. Так что знай – в хорошие руки отдаёте. Ну, а насчёт леса. Конечно, знаю, я тут всю жизнь прожил. При старом режиме заядлым охотником был. Весь его излазил. А что?

– В деревню возвращаться уже не будем, а на несколько дней остановимся где-нибудь в укромном месте недалеко от деревни. Где тут можно схорониться?

– Есть тут местечко. В километрах шести от деревни есть старый, заброшенный хутор. Лет десять уже там никто не живёт. Так..., похаживали туда охотники до войны. А сейчас какая охота? Крыша там над головой у вас будет и печь. Родник есть. Счас, вас туда и сведу.

... Место нам понравился. И расположение удобное. Сам хутор можно заметить только с воздуха или же случайно прямо в него уткнёшься, так он за десять лет зарос кустарником. А вот если расположить наблюдательный пост в двухстах метрах от хутора, немного в стороне – то нежелательных гостей можно будет увидеть задолго до обнаружения строений.

После того, как Григорий Яковлевич ушёл, мы в течение двух часов облазили окрестности, изучая все подходы к хутору и пути отхода в случае непредвиденных ситуаций. После чего, насколько это было возможно, с удобствами расположились в уцелевшем доме с печью. Сразу же организовал дежурство и когда сам захотел дежурить, Петька с Увинарием решительно запротестовали.

– Товарищ майор, не получится. Вы – командир, вот и занимайтесь своими командирскими делами. А дежурить мы будем с сержантом по очереди.

День и ночь прошли спокойно, а к десяти часам утра появилась группа старшины, которую привёл его дядя. Порадовало то, что Увинарий, который в тот момент был на посту, заметил их издалека и вовремя предупредил меня и Петьку. И мы ради тренировки незаметно от них сумели занять удобные позиции и неожиданно встретить.

Вместе с собой они привели ещё четверых человек. Трое были красноармейцы-окружники, вооружённые винтовками, а один, как сразу сказал Николай Иванович, скрывавшийся от немцев комсомолец с его деревни.

Я отвёл своих в сторону и предложил старшине: – Докладывай.

– Товарищ майор, спасибо что отпустили. У моих всё нормально и теперь могу спокойно воевать. Это насчёт личного. Теперь по службе. Парнишку, которого привёл, зовут Сашкой. Фамилия Максимов. 17 лет, в армию не взяли, эвакуироваться не успел. Хлопец активный, мои родители очень хорошо о нём отзываются. Чтобы не сгиб по своей горячности, взял с собой. Тем более, что он украл у немца в районном центре пистолет.

– Хорошо, а красноармейцы?

– Этих Белкин в лесу выцапал, пусть и рассказывает, но парни вроде бы ничего. Бойкие.

Я кивнул Белкину и тот стал обстоятельно докладывать: – Старшина ушёл домой, а мы остались в условленном месте. Поспали и я пошёл на разведку и наткнулся вот на них. Чуть не постреляли друг-друга, когда столкнулись. Очень удивились, что у меня немецкий автомат и гранаты. А когда сказал, что у нас у всех также и командир майор, сразу захотели присоединиться. Точно также, как и мы идут почти от границы, где их отдельный батальон в первом же бою разбили и были они удивлены рассказом, как мы немцев валяли. Парни хоть и не лезли к немцам, пока шли лесами, но горят воевать. Вот.

– Ладно, пошли на базу там и разберёмся со всем.

Около дома построил вновь присоединившихся и устроил им форменный строевой смотр, а заодно и познакомился. Красноармейцы Скориков Сергей, Сухомлинов Константин и Фоменко Тимофей. Документы в порядке, винтовки соответствуют номерам. Патронов по десять обойм и по две гранаты. В вещмешках обычные солдатские пожитки, а вот с продовольствием грустно. Почти ничего. И выглядели они далеко не упитанными, в отличие от моих. Но

их, как сказал Белкин, пока ждали старшину, подкормили. Одеты и обуты в крепкую обувь. У комсомольца проверил комсомольский билет, других документов у него не было. Такой же, как у меня, парабеллум в кобуре и запасной обоймой.

– Как добыл оружие?

– В райцентр ходил днём, а там офицерё немецкое, пьяное купалось. Вот я и спёр. Спрятал в лопухах, а ночью мимо патрулей пробрался и утащил к себе в деревню.

– Молодец. Слушай команду. Вы, каждый по обойме, отдайте Григорию Яковлевичу. Кушаем, а потом совещание. Будем думать, как нам дальше жить и действовать.

Григорий Яковлевич обрадовался обоймам и стал, весело шутя, развязывать туго набитую котомку и доставать оттуда продукты. К нему присоединился и старшина и тоже стал выкладывать домашние харчи. А когда появилась и двухлитровая фляга все ещё больше ожились. Но опасливо косились в мою сторону, боясь, что запрещу усугубить. Я же усмехнулся про себя.

Когда импровизированный стол был накрыт во дворе, я предложил всем присесть на завалинке и приказал временно снять с поста дежурного наблюдателя.

Посмотрел на своих подчинённых и у меня болезненно сжалось сердце от того, как каждый смотрел на меня и ждал, что я им сейчас скажу. Мои боевые товарищи и подчинённые смотрели открыто и только ждали моего решения – любого решения. Они доверяли мне, точно также как и я им. И это доверие было заработано ни где-то в пивной или за бутылкой водки, а в бою. Григорий Яковлевич, любовно лаская в руках лишние обоймы, лукаво щурился, решительно связав свою судьбу вот с этими пришлыми, но такими надёжными людьми. Комсомолец Максимов, счастливый от того, что попал в боевой отряд, смотрел такими восторженными глазами, что был готов прямо сейчас бежать в атаку. Ждал только приказа и направления атаковать. В глазах новых бойцов растаяла настороженность от увиденного, но они ещё держались скованно.

– Товарищи! До недавнего времени у нас был только один путь. Путь на восток, путь на соединение с нашими войсками, чтобы там и бить проклятых фашистов. Мы, в принципе, шли и били, по крайней мере не упускали такой возможности. Но в ходе движения на восток, общаясь с местным населением, наблюдая их жизнь, перед нами открывается и второй путь – остаться здесь, развернуть партизанское движение и бить фашиста там, где его найдём. Тем самым показать пример населению, показать, что Советская власть на месте и что она готова защищать своих граждан. Поэтому предлагаю обсудить именно в таком ключе этот вопрос и принять решение. Если есть какие-либо другие предложения – давайте обсудим.

Бойцы стали переглядываться и перешёптываться между собой, а потом с завалинки решительно поднялся старшина.

– Товарищ майор! Не оттого что тут проживаю, что здесь моя семья, но я зато чтобы остаться и открыть партизанскую войну. Я был дома, общался с родными и то, что они рассказали, мне не понравилось. Оккупанты по-хозяйски осели на нашей земле и чувствуют себя в безопасности. Поэтому я за ваше предложение. Хочу, чтобы у них здесь горела земля под ногами, хочу чтобы по ночам да и днём они вздрагивали от любого шороха. Их надо и можно бить везде. Я – «ЗА».

– Хорошо. Спасибо, Николай Иванович. Предлагаю следующее – давайте проголосуем моё предложение. Кто за то чтобы остаться здесь и развернуть партизанское движение.

Не прошло и секунды, как я с удовлетворением смотрел на поднятые без малейшего колебания руки.

– Что ж, как старший по воинскому званию я становлюсь командиром отряда. Надеюсь, возражений нет.

– Ни как нет, – чуть ли не хором прозвучал решительный ответ.

– Встать! Смирно! Слушай приказ. Приказываю: на должность заместителя командира отряда назначить старшину сверхсрочной службы Сергушина Николая Ивановича. Командиром первого отделения назначается сержант Дюшков Увинарий Поликарпович. В первое отделение входят рядовые Суриков Пётр, Белкин Иван, Носков Владимир, Кравцов Сергей, Скориков Сергей, Сухомлинов Константин, Фоменко Тимофей и красноармеец Максимов. Вольно.

– А меня, куда? – С ноткой обиды протянул Григорий Яковлевич.

Я обнял за плечи нашего добросовестного помощника: – Григорий Яковлевич, вы будете выполнять лично мои поручения и задания. Покушаем и я вам поставлю первую задачу.

– Ну, а сейчас можно покушать, сегодня ещё разрешаю выпить за создание нашего отряда, а с завтрашнего дня в отряде «сухой закон». Выпивка и употребление будет разрешена только по особым случаям.

Все оживлённо расселись вокруг куска брезента с едой и Григорий Яковлевич с серьёзным выражением лица стал разливать алкоголь. Такими же серьёзными стали остальные, когда я поднял кружку.

– Предлагаю выпить за наш отряд. Впереди у него много будет невзгод, лишений, потерь, но будут, и я в этом уверен – и победы. Выпьем за то, чтобы поскорее очистить эту прекрасную землю от пришлой нечисти и снова вернуться к мирному труду. За Победу!

Все молча чокнулись и выпили. Обед прошёл сдержанно и в торжественном настроении.

После приёма пищи отозвал в сторонку Дюшкова, Григория Яковлевича, и Николая Ивановича.

– Увинарий, у тебя теперь есть подчинённые. Как раз восемь человек. Всех новеньких закрепи за нашими солдатами и создавай график дежурства. Четыре пары, старший там наш – проверенный человек. Дежурства на тебе. Давай действуй.

– Григорий Яковлевич, тебе отдельное поручение. Через несколько дней нужно подобрать место засады на дороге. Ты местный, всё здесь знаешь. Оно должно быть следующее: далеко от населённых пунктов. Чтобы была выемка. То есть края, обочины выше полотна дороги. Проглядывалась далеко, чтобы если им подмога подойдёт внезапно, было видно изда- лека. Ну вот. Вопросы есть?

– Да нет, – задумчиво протянул Григорий Яковлевич, – по-моему я знаю два таких места. В ближайшие дни схожу, посмотрю.

– Николай Иванович, завтра ты, Максимов, я, Белкин и Петр выдвигаемся к районном центру. Максимуму я отдельно поставлю там задачу, а ты нас вокруг вашего районного центра обведёшь, чтобы понимать, что за местность там. Что за городок? Подходы и подъезды. Отходы тоже. Пора здесь щипать немцев.

* * *

...Деревня как деревня, только гораздо больше, чем лесные, которые мы посещали. И ещё может несколько побогаче выглядела. А в километрах пяти, восточнее виднелся и сам районный центр. Ещё раз оглядев окрестности и выслушав подробные объяснения старшины и Максимова, мы опять вернулись на небольшую, закрытую со всех сторон кустарником полянку. Была вторая половина дня и я её решил использовать максимально.

– Максимов, пистолет давай сюда. Он сейчас тебе не нужен. – Сашка безропотно, но с видимым сожалением отдал старшине парабеллум, а я начал инструктировать – Так пока лучше будет. Сейчас идёшь домой. Переночуешь, пообщаешься с родителями, а завтра с товарищем, про которого ты мне говорил. Задача: подобрать человек пять-шесть надёжных комсомольцев, которые на первых порах собирают нужную нам информацию. Меня сейчас интересует следующее – места расположения немецких частей. Если возможно – количество. Госпиталя, склады, особо медицинский склад – нам необходимы медикаменты на будущее. Неплохо бы достать или нарисовать подробную схему города и нанести туда все эти данные. Да..., как это всё охраняется. Передвижение патрулей, особенно в ночное время. И любую

другую информацию, касающуюся немцев. Только прошу об одном. Будьте осторожнее с подбором ребят. Лучше сначала меньше, не гонитесь за количеством. И не болтать, ни хвастать. Всё понятно?

– Аааа...., – разочарованно протянул Сашка, желая задать вопрос, но я его пресёк.

– Пока это такая задача. Она для меня важнее на этом этапе, чем то о чём ты мечтаешь. Да ещё – поищите батарейный радиоприёмник, нам также нужна информация, что же происходит у нас на востоке? Саша, всё вперёд.... Встречаемся здесь, послезавтра утром.

Мы дождались, когда Сашка гуляющей походкой вышел из леса, спокойным шагом дошёл до окраины и скрылся среди домов. После чего старшина повёл нас вокруг деревни и через два часа мы достигли окраины районного центра и с этого места осмотрели город и что было видно. К сожалению, Николай Иванович мало, что мог рассказать об этих местах.

– Алексей Денисович, как ушёл в армию, здесь бывал весьма эпизодически. А за время советской власти здесь много чего изменилось. Так что увы....

Уже в сумерках вернулись на знакомую полянку и я отпустил старшину домой, лишь напомнив ему.

– Николай Иванович, утром жду тебя и с другой стороны обойдём районный центр.

Обходом города остался доволен. Теперь я довольно хорошо представлял окрестности и мог запросто ориентироваться в этой местности. В этом мне помогал и большой артиллерийский опыт постоянной работы с картами, помогающий всю местность видеть в комплексе – как бы с высоты полёта птицы.

...Пьяные голоса и хмельной, женский смех мы услышали издали и поэтому к месту гулянки немецких офицеров подошли незаметно и затаились в кустах. На берегу небольшого чистого и уютного водоёма вокруг скатерти, заполненной бутылками и закусками, вольготно расположилась компания немецких офицеров и, по всей видимости, немецких медсестёр. Двое немецких офицеров и три медсестры, полураздетых и хорошо податых были в том состоянии, когда до кульминации пьянки – то есть купания голышом и траханья в кустах оставалось недолго. Чуть в сторонке стоял легковой, камуфлированной раскраски, автомобиль, тут же лёгкий раскладной столик, где суеился водитель, прислуживающих гуляющей компании. Он старался казаться трезвым, но каждый раз, подав очередную порцию закусок, отойдя к автомобилю, воровато опрокидывал порцию спиртного в рот. Ему казалось, что в глазах своего начальства он выглядит трезвым как стёклышко, но пьяные офицеры и барышни уже не могли контролировать пьяный или нет водитель. Им просто было не до него. А, отойдя к машине, водитель расслаблялся и тогда его начинало мотылять из стороны в сторону, что было нам на руку. Нам же было довольно интересно наблюдать фашистов в такой интимной обстановке. Офицеры уже определились с партнёрами и теперь всю флиртовали, обнимались, целовались, заваливали визжащих избранниц на траву, залазили руками под рубашки и всю тискали медсестер, пили и снова обнимались. Третья, понимая, что она у скатерти лишняя, но тоже возбуждённая пикничком, выбрала себе в партнёры шофера. Встала и шатающейся походкой пошла к автомобилю, где стала активно обхаживать обалдевшего от удачи солдата.

Через десять минут всё подошло к логическому завершению пикника. Как мы и ожидали, гулявшие на берегу под дикие и весёлые крики стремительно обнажились догола и побежали купаться, а у автомобиля, глядя на своих подруг, немка оголилась по пояс и надолго прилипла в поцелуе к водителю.

– Берём, такого случая нельзя упускать. Увинарий, берёшь на себя водителя. А мы, тех голубков.

Дюшков скользнул в сторону и через две минуты незримым призраком возник за спиной водителя и приложил палец губам, приказывая увидевшей его немке молчать. Она наверняка сначала подумала, что ей спяну только кажется. Но, увидев жест русского, так и застыла, прильнув губами к губам своего партнёра, который возбуждись, всю тискал груди немки.

Мы, уже не скрываясь, вышли к груде одежды, среди которой валялось оружие, и открыто встали на берегу. Сначала нас, увлечённые собой немцы, не замечали. Но сержант Дюшков коротко и сильно ударил водителя в затылок автоматом и тот мешком свалился на землю под ноги немки, после чего она громко завизжала от страха. Сержант пнул её по ноге и она, упав на колени, замолчала, с ужасом смотря на свою смерть в образе русского.

Визг прервал беспечное бултыхание в воде и четвёрка мутными от алкоголя глазами уставилась на нас, ещё не врубившись в ситуацию.

– Ну что, уроды, идите сюда, – я сделал приглашающий жест рукой. Немки взвизгнув, присели по шею в воде, а офицеры, развернувшись, тяжело и медленно поплыли к противоположной стороне водоёма, но короткая очередь старшины и цепочка водяных фонтанчиков справа от них, заставила их остановиться и они, развернувшись, поплыли обратно. Остановились в пяти метрах от берега и бараньими, всё ещё не верящими глазами, стали смотреть на нас.

От машины донёсся огорчённый голос Дюшкова: – Товарищ майор, по-моему я его убил. Вот блин, не рассчитал удар. Хотя конечно, всё равно их кончать придётся....

Я обернулся к машине и посмотрел на Увинария, который даже и не смотрел на убитого водителя, а с интересом разглядывал полуголую немку, поднявшую перед ним руки. Я засмеялся и толкнул локтём старшину: – Николай Иванович, Петька, посмотрите на Увинария, он только что не облизывается.

Мы рассмеялись, глядя на пунцового от смущения сержанта, не знающего что теперь делать: – Увинарий, ну раз грохнул, так грохнул. Чёрт с ним. Гони её сюда – все вместе посмотрим.

Наш весёлый и быстрый разговор лучше всего убедил немцев, что мы не видение перевозбуждённого алкоголем и предстоящим траханьем мозга, а объективная реальность.

– Hende hoch, – это было единственное, что в этот момент вспомнил из немецкого языка и сделал повелительный жест стволом автомата в сторону берега, – идите туда, камрады.

Офицеры послушно подняли руки вверх и побрели к берегу, а немки продолжали сидеть в воде. В это время Дюшков подошёл к нам от машины медсестру и она остановилась в трёх шагах со сцепленными руками на затылке, отчего её груди поднялись и соблазнительно торчали перед нашими глазами. Я опять засмеялся: – Старшина, ты у нас человек семейный, сегодня ночью дома был. Так что ты секи за фрицами, а мы немного развлечёмся.

Николай Иванович заговорчески фыркнул и непонятным тоном, то ли осуждающим, то ли одобряющим последующее действие произнёс: – Только не увлекайтесь, товарищ майор...

– Ну, Николай Иванович, обижаешь.

С откровенно мужским любопытством мы с минуту рассматривали полуголую немку, которая с ужасом смотрела на нас, наверно считая, что мы будем сейчас втроём насиловать её и насиловать в самых извращённых формах. Хотя несколько минут тому назад она сама к этому была готова приступить с водителем. С такими же, наверно, извращёнными фантазиями.

– Да она старая, товарищ майор. – Разочарованно протянул Петька, а Увинарий с некоторой долей осуждения поправил его.

– Ну и что, что старая. Да я сейчас хоть кого согласен....

– Ну и дураки вы молодёжь. Для вас она старая, а для меня почти девушка, – бойцы весело фыркнули, а я предложил, – давайте тех посмотрим.

– Эй вы, Freilin, Komm zu mir, – позвал немок, внезапно вспомнив ещё несколько фраз на немецком языке и они, поняв меня, побрели к берегу. Были они моложе и гораздо лучше сложены, чем первая. Но на лица корявые. Встав рядом с подругой, они замерли под нашими взглядами, а я поглядел на своих подчинённых. Ещё чуть-чуть и у них потекут слюни. И я их понимал: парни молодые, кровь с молоком, с месяц не видели женщин вот и повелись. Я тоже не был импотентом и в свои сорок лет с не меньшим интересом поглядывал практически на всех женщин. В блядство не впадал, но своего при случае не упускал. Я был старше этих

пацанов и умел владеть своими эмоциями. Поэтому, когда Петька придушенным голосом, от которого немок бросило в крупную дрожь, спросил: – Товарищ майор, а может....

Я резко прервал его и рывкнул – Отставить. Даже мысли такие отставить, товарищ красноармеец. – Потом несколько смягчился.

– Ну ты своей башкой думай Петька – мы ж не немцы... Всё у тебя ещё будет, так что успокойся. Я ведь тоже не деревянный, но ведь не введусь на это...

– Всё, всё, товарищ майор, понял. Всё понял. Больше подобного не повториться. – Петька всё это произнёс виноватым голосом, а потом сразу же перешёл на деловой тон, – А что с ними делать будем? Кончать?

– Ну, ты и слово подобрал, – и мы грохнули от смеха, – конечно, кончать будем, но не в них. У меня тут одна весёлая мысль появилась. Вот вы с Дюшковым и развлечётесь, а я, с Николай Ивановичем, офицерами займёмся.

– Эту, – я ткнул пальцем в первую немку, тоже раздеть догола. Чтоб все были в равном положении. Потом ведёте их к столу и поите их до тех пор, пока они не отрубятся. Что-то мне баб не хочется убивать. Но самим ни-ни...

Петька с Дюшковым с энтузиазмом принялись за выполнение этого задания и, подталкивая, хлопывая всхлипывающих немок руками по соблазнительным местам, подогнали их к скатерти. Посадили на землю и стали их поить, при этом не упуская возможности слегка и потискать их.

– Ладно, пусть хоть так повеселятся, – сам повернулся к старшине, который заканчивал связывать голых офицеров.

– Ни хера они по-русски не понимают, товарищ майор. Я пытался их спрашивать, но они только по-немецки лопочут, а что непонятно.

В течение трёх минут, после бесплодных попыток, я сам убедился, что даже если бы они и знали русский, то сейчас они были неспособны даже слово «мама» сказать. От алкоголя, страха их переключило и по моему они совсем перестали понимать что либо.

– Ладно, Николай Иванович. Бесполезно. Иди, займись имуществом, оружием. Глянь в машине, что нам в хозяйстве сгодиться. Ну, ты сам знаешь, чего я тебе инструктирую. А этими я сам займусь.

Пнул сапогом офицеров и те послушно завалились на траву, а сам повернулся к машине и скатерти. Дюшкова позвал старшина и те успешно потрошили машину, а Петька увлечённо поил одну из немок. Закинув автомат за спину, угрожающе ворча Петька правой рукой подталкивал руку с кружкой ко рту немки и та послушно пригубив, стала давясь пить.левой рукой мой подчинённый из-за спины обнимал немку, ладонью лаская грудь. Остальные две медсестры также, давясь, тянули сквозь зубы спиртное.

– Петька, стервец, прекрати, – солдат сконфузился и отдернул руку, а я угрожающе помотал пальцем.

– Товарищ майор, да я ведь... да ничего ведь. Товарищ майор, я ведь её не.... Нууу, блин, сочная сука она... рука так и тянется. Да не убудет от них...

– Петька..., – сделал тон более угрожающим, – я ведь не посмотрю на то, что мы вместе чёрт знает сколько. Смотри мне...

Повернулся и без сожаления, без всяких угрызений совести, выстрелил в связанных немецких офицеров. Не мы эту войну начинали и не им нас судить.

Увидев, как я спокойно и равнодушно пристрелил офицеров, немки под моим взглядом, стали более энергичнее и крупными глотками глотать спиртное, а выпив тут же протянули кружки за новой порцией.

Добыча была богатой. Один автомат, винтовка, два пистолета. В багажнике обнаружилось большое количество патронов и несколько гранат-колотушек. Было много провизии, заготов-

ленной для пикника и спиртное. Но больше всего меня заинтересовала офицерская форма. Прикинул один мундирчик на себя и он оказался почти моего размера.

– Николай Иванович, приберика мундирчики, но только так чтобы не измялись. Может пригодятся.

– Товарищ майор, всё. Готовы, – Петька стоял над голыми женщинами, которые были в явном отрубоне и лежали около скатерти в живописных позах.

– Ну, готовы, так готовы. Ты собери всю одежду, все тряпки. Скатерть тоже и в машину. Всё сожжём и пусть они голые идут к своим.

Через пятнадцать минут всё, что нужно было нам, было собрано и увязано в узлы. Всё остальное сложили в машину, оставив на берегу только тела убитых офицеров и женщин. Машину подожгли и пошли прочь. На Петьку, в качестве наказания я нагрузил по максимуму и тот терпеливо пёр на себе узлы, лишь вытирая рукой пот с лица.

Через два часа мы оказались на своей полянке. Стемнело и я опять отпустил домой старшину до утра. А сами плотно покушали, выпив для аппетита немного слабенького немецкого винца. Распределив между Увинарием и Петькой дежурство, легли спать.

Утром, почти одновременно вернулись старшина и Максимов. Николай Иванович снова притащил кучу пирогов, на что я ему попенял: – Николай Иванович, перестань это делать. Мы обожрём твоих близких....

Старшина было замахал рукой, но я не дал ему возразить: – Сегодня у вас с продуктами нормально, а завтра каждую щепоточку муки считать будут. Так что всё – в последний раз... У немцев всё будем добывать.

Максимов, в свою очередь, принёс интересные новости: в районном центре появился бургомистр и городская дума. Назначен начальник полиции, который вовсю и энергично формирует полицию.

– Хм, интересно. Следующий раз, когда придёшь сюда, поставишь задачу – узнать фамилии бургомистра, начальника полиции и всех их приспешников. А также адреса, но всё это по возможности. А так посмотрим, как они дальше работать будут...

Выслушав и остальное, что успел сделать Максимов, я скупно похвалил комсомольца и протянул ему автомат с подсумком с рожками.

– Держи, это тебе авансом на будущее, – Сашка страшно обрадовался и пока мы не спеша перекусывали, Дюшков показал сборку-разборку автомата и как им пользоваться.

Через два дня, как мы вернулись от районного центра, на хутор заявился Григорий Яковлевич, который предложил сходить и посмотреть присмотренное им место для засады. Место действительно для такой акции было идеальное. Особенно удачны были пути отхода и возможности отсечь противника, если бой для нас сложится неудачно.

– Только чур, Алексей Денисыч, в бою тоже хочу участвовать и со мной будет второй товарищ, про которого я тебе говорил.

В мои планы не входило втягивать Сергушина в активные боевые действия: он был больше нужен на деревне, как источник информации. Хоть и деревня была в лесу и далековата от райцентра, но почти каждый день, через день крестьяне ездили туда и привозили свежие новости с центра. И чтобы не обидеть его, мягко объяснил виденье его деятельности: – ... И напоследок, хочу спросить – только без обид. Ты довольно часто ходишь в лес к нам. Не подозрительны ли для других твои отлучки? Люди ведь разные бывают... Поедут и стуканут в полицию. А мне бы не хотелось такого варианта.

– Денисыч..., Денисыч..., погоди. Ты наш командир и тебе скажу как на духу. Когда вы пришли ко мне, и я налетел на вас: ругал советскую власть, вас, что бросили. Я чувствовал себя брошенным. Не знал, что мне делать и как жить дальше. Вернее знал, что должен жить ради внуков, невесток, которых мне сыны оставили. Это да.... Но ведь надо жить и ради другого, большего. Вы пришли, остались. Вон, просто сходили к райцентру и трёх супостатов извели. Да

и племяш мне рассказал, как вы воевали. Теперь знаю ради чего мне жить и зачем жить. Хочу чтоб, когда сыны вернутся с войны – я ими буду гордиться и чтоб они своим тятькой гордились. Не обижай стариков. Обузой мы не будем.

Я приобнял, Григория Яковлевича, и доброжелательно похлопал его по плечу: – Хорошо, пусть будет так. Но после боя, мы поговорим более подробно.

Засада и бой прошли на удивление легко и удачно. Были учтены все ошибки допущенные, при первой засаде. Правда, один немец всё-таки сумел улизнуть. Он бросил всё, даже оружие. Но лёгкость, с которой мы уничтожили одиннадцать гитлеровцев и две автомашины, меня в отличие от других насторожила. Все показали в бою себя только с лучшей стороны. И старые обстрелянные и новенькие. Никто нам не помешал после уничтожения спокойно шерстить машины и трупы. Нагрузились до предела. Я даже не пожалел Григория Яковлевича и его товарища Семёна Поликарповича, нагрузил их тоже по полной. И вместо того, чтобы рвануть напрямую к базе, мы дали кругалю километров в шестьдесят и лишь на вторые сутки, к вечеру, вышли с другой стороны к хутору. И только здесь расслабились.

С утра начали разбираться с добычей, которая оказалась очень богатой. Оружием и боеприпасами мы были обеспечены более чем в достатке. Даже шесть коробок с пулемётными лентами притащили. Вот только сам пулемёт был изуродован взрывом гранаты. Немного медикаментов. Продовольствием, даже если будем кушать без предела, дней на десять. Много было и другого, необходимого для жизни в лесу. Обувь с места боя унесли всю.

У всех было приподнятое настроение и все рвались в новый бой. Но у меня были другие мысли. Как бы не удобен был для проживания лесной хутор, как бы мы не привыкли к нему, но базу нужно было менять и уходить в глубь леса. Этим я и занялся с Григорием Яковлевичем. Теперь у него был автомат с полным комплектом магазинов, три немецкие гранаты. Чем он очень гордился. Всё это он хранил в тайнике, устроенном лесу, и как шёл к нам доставал оттуда оружие, а по возвращении прятал и выходил из леса с корзиной грибов, которые набирал на обратном пути. После последнего боя он даже помолодел и старался чаще бывать у нас, что меня беспокоило. В это время отправил Петьку, Белкина и Скорикова за закопанным на месте первой засады пулемётом. Думаю, что за восемь дней они обернутся и по их возвращению будем перебираться на новую базу.

Часть третья

Глава первая

Прошло уже минут пятнадцать после неприятного звонка от начальства и настроение стремительно ухудшалось. Курт вскочил из-за стола и нервно пробежался по кабинету несколько раз, но так и не сумел успокоиться. Вроде бы всё шло нормально. И его непосредственное руководство было довольно его деятельностью. Он не только один из первых развернул местную администрацию, но и благодаря энергичному бургомистру, сделано было даже больше, чем запланировано. И вот сейчас впервые с ним разговаривали довольно жёстко и причиной тому было уничтожение одиннадцати солдат и офицеров, и двух автомобилей одной из действующих частей. В живых остался лишь один солдат и тот рассказал, что группа напавших была человек пятнадцать-двадцать, в военной форме, хорошо вооружена, большинство немецкими автоматами. Действовали умело и организовано. Место засады и организованность говорили, что это была очередная группа окруженцев, возглавляемая офицером или комиссаром, которая наверняка уже покинула район ответственности комендатуры Зейделя. А ему вот приходится расхлёбывать всё это. Минск дал приказ в качестве профилактики провести прочёсывание лесов, перешерстить все деревни и подозрительные места. Для данного мероприятия привлечь находящиеся на отдыхе в городе части.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.